

International

Literary

magazine

АМИР НОЕПАРАСТ КОГДА ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ ПОЕЗД

S

C

H

A

T

I

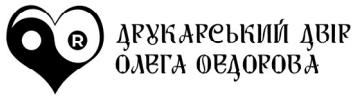
K

Амир
НОЕПАРАСТ

КОГДА
ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ
ПОЕЗД

БИБЛИОТЕКА «КРЕЩАТИКА»
ПОЕЗІЯ, ПРОЗА, ПУБЛІЦИСТИКА

Амир
НОЕПАРАСТ

КОГДА
ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ
ПОЕЗД

Друкарський двір
Олега Федорова
Київ, 2024

УДК 821.112.5-3

Н 76

СЕРІЯ «Библиотека “КРЕЩАТИКА”»
Заснована у 2023 році

*Перевод с английского
Ольги Новиковой*

Ноепараст А.

Н 76 Когда останавливается поезд / А. Ноепараст —
Друкарський двір Олега Федорова 2024 — 88 с.

ISBN 978-617-8477-12-7

Амир Ноепараст заявляє, що пише виключно ради задоволення від письма, а не в отличие від себе двадцятилітнього більше не придержується поняття «искусство ради искусства». Він вважає, що автор повинен бути відстороненим спостерігачем, сродни експериментатору, який не втручається в результати свого експерименту. Для Ноепараста, як тільки спостерігач починає впливати на результат, він стає шахраєм. Реальність існує незалежно. Задача автора — спостерігати за нею, використовувати свій інтелект і креативність, щоб створювати мистецтво навколо правди, і створювати вигадку, в якій чиста реальність переплітається з чистим уявленням. Цей баланс, стверджує він, і є суттю істинного творчості — в ньому і заключається магія вигадки. Ноепараст задає питання, чи є у нас ще чесні спостерігачі, предані істині і логіці, чи ж нас оточують ті, які, будучи рухомими передубеженнями, створюють поверхнівну літературу під виглядом творчості — звичайні пропагандисти. Це ті, хто вже прийняв рішення про спостереження, і вони служать одному з полюсів, одному з господарів, однією з фінансуючих інституцій, змішуючи свій суб'єктивний і шахрайський аналіз з творчістю.

Коли виникають дискусії про те, чи штучний інтелект може замінити людське творчість, Ноепараст задає питання, чи варто нам скоріше по цьому поводу?

УДК 821.112.5-3

ISBN 978-617-8252-14-4 (серія БК) © Ноепараст А., 2024

ISBN 978-617-8477-12-7

© Федоров О.М., видавець, Київ 2024

ПОКЛОННИК НОЧИ

В этот вечер, как обычно, он вышел прогуляться: бег в одиночестве давно стал привычкой. Было холодно. Настолько холодно, что люди предпочли остаться в тёплых домах, нежели выйти наружу. Но так было даже лучше, ведь он мог во всей полноте насладиться одиночеством и прекрасной холодной погодой. Надо сказать, ночь для него была более приятна, чем день, потому что только темнота давала возможность увидеть всё вокруг не в привычном образе, а так, как хотелось ему самому. Предстоящая ночь обещала быть похожей на все остальные.

Прошло совсем немного времени, и позади поклонника ночи послышались шаги. Всего двадцать или тридцать метров отделяли его от незнакомца, но, совершенно не обратив на это внимания, наш герой продолжил свой путь. Человек за спиной приближался, расстояние между ними сокращалось, и сбивчивое дыхание незнакомца слышалось всё ближе. Поклонник ночи быстро обернулся, успев заметить, как рука, державшая нож, уже нависла над его головой. Непроизвольно, но очень быстро он увернулся. Незнакомец замахнулся так, что, казалось, даже быстрая реакция не могла спасти поклонника ночи от удара. Перехватив руку, он ударил незнакомца в живот, пытаясь повалить того на землю. Нож отскочил. Быстрым движением поклонник ночи поднял его. Поверженный незнакомец всё ещё лежал на земле, пытаясь подняться. После безуспешной атаки он потерпел ещё одну неудачу, получив удар в сердце своим же собственным ножом.

Незнакомцу было так же сложно поверить в то, что он умирает, как и поклоннику ночи в то, что за какую-то

пару секунд он превратился в убийцу. Дотронувшись до умирающего, поклонник ночи спросил:

— Кто вы и почему хотели убить меня?

С большим трудом умирающий ответил:

— Это ты меня убил.

После этих слов он потерял сознание, и поклонник ночи почувствовал всю тяжесть обмякшего тела. Не сумев удержать равновесие, он упал. Мёртвое тело упало рядом, и только теперь поклонник ночи смог увидеть, что именно он натворил.

Он оглянулся. К счастью, рядом никого не было. Он не знал, что делать. Вызвать полицию? Нет, только проблем наживёшь! Как такое вообще могло произойти? Это не просто несчастный случай. И всё же, лучше вызвать полицию. В кармане убитого зазвонил телефон — возможно, это поможет решить проблему? Так, телефон здесь. Ему даже стало любопытно. Прежде чем связь оборвётся, нужно успеть ответить на звонок. Возможно, это верный способ узнать, почему на него напали. Он взял телефон и ответил.

Ничего не говоря, просто нажал на кнопку. Человек в трубке явно ожидал, что ответит женщина, и он звал её по имени, не слыша ответа. Для поклонника ночи это стало полной неожиданностью. Он ещё раз взглянул на мёртвое тело. Он даже не заметил, что на него напала именно женщина. Говорившему в трубке он так и не смог ничего сказать.

Звонивший безуспешно продолжал звать убитую женщину. Не дождавшись ответа, он повесил трубку. Поклонник ночи посмотрел на телефон. Он решил набрать номер того человека, который только что звонил... Набрать номер... Но... странно. Возможно ли такое? Это был его собственный номер. Но... Поклонник ночи жил совершенно один.

Пытаясь осознать всю невероятность произошедшего, невольный убийца даже не заметил подошедшего к нему мужчину.

— У вас всё в порядке, мадам? — спросил тот.

— Мадам? Я ведь не женщина, сэр, — ответил поклонник ночи. — Вы видели, что произошло? Эта леди набросилась на меня, я только защищался. А сейчас мне нужна ваша помощь. Не могли бы вы попросить тех охранников вызвать полицию? Я не могу идти.

— Думаю, вы не совсем здоровы. О какой женщине вы говорите?! Кто на вас напал?!

— Ничего не понимаю! Почему вы обращаетесь ко мне как к женщине? Неужели вы не видите мёртвое тело?

— Мёртвое тело? О чём вы? Здесь ничего нет.

Поклонник ночи указал немного вперёд, где лежал труп. Незнакомец приблизился. Он медленно вытащил руку из кармана пальто, и стало видно, как его пальцы крепко сжимали нож. Мужчина даже не стал замахи-ваться — ловким движением он вонзил нож в живот поклонника ночи. Удар был таким стремительным, что поклонник ночи не смог его предотвратить.

Он упал. Жизнь угасала. С большим трудом он спросил:

— Почему вы убили меня? Кто эта женщина?

— Это не имеет значения, — ответил незнакомец. — Это моя работа, и мне за неё платят. Думаю, всё дело в спорах между вашим мужем и одним из его партнёров.

— О чём вы говорите?! Каким мужем?! Я мужчина! И кто та женщина, которую я убил? — произнёс поклонник ночи с тем удивлением, на которое способен умирающий человек, не познавший главного.

Мужчина, несколько сбитый с толку, постепенно принял безразличный вид и ещё раз взглянул на умирающего в ночи человека. Аккуратно вытащив нож из тела, он скрылся во мраке.

Брюссель

КОГДА ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ ПОЕЗД

Эпизод 1

Все эти здания-клоны — абсолютно одинакового размера и формы — мне совершенно надоели. Все в этом городе было до отвращения упорядоченно и дисциплинировано. Вот уже несколько дней, как мне все здесь осточертело. Настало время покинуть королевство правил и предписаний. Думать о чем-либо другом не получалось, так что я купил билет в вагон первого класса. Пожалуй, это был единственно возможный способ оставить надоевший город.

Поезд задерживался. Никто не пришел попрощаться со мной. Чтобы хоть как-то убить время на вокзале, я купил зеленый «Мальборо»: хотел до прихода поезда выкурить три сигареты. То, как я курил, явно привлекло молодую голландку, очевидно, заядлую курильщицу. Она стояла рядом, в зоне для курения, и с усмешкой меня разглядывала. Я стоял и думал, зачем нужно было размещать пугающие картинки на пачках сигарет и действительно ли это помогает снизить число курильщиков, — как пришел мой поезд. Прежде чем потушить третью сигарету, я, делая вид, что целюсь в мусорное ведро, задел ею грудь девушки. Ее блузка не повредилась. Я попросил прощения, но ответа не последовало. Она жутко рассердилась, но, сказать по правде, именно этого я и хотел. Увидев, как я сажусь в вагон первого класса, она посмотрела на меня почти с ненавистью. Устроившись, я начал искать бар. Не скажу, что я такой

уж любитель выпить, но этот город настолько истощил меня, что мне определенно нужно было расслабиться. И я подумал: а почему бы и не выпить? Потом вспомнил, как пил в первый раз. Непередаваемое ощущение и наслаждение, возникшее сразу же, как только напиток коснулся языка, — и радостный восторг после. Достаточно странно, но этот волшебный момент, случившись однажды, больше никогда не повторялся. Наслаждение оставалось, но оно больше не было таким насыщенным, как в тот, самый первый, раз. Не знаю, возможно, то же самое касается и всех остальных удовольствий. Мы оказываемся все дальше и дальше от чудесного первого ощущения, старательно пытаемся поймать его, протягиваем к нему руки, но расстояние лишь увеличивается.

Я вытащил из кармана зеленый *Ipod* — чей-то подарок. Слушая музыку с закрытыми глазами и выпив несколько глотков спиртного, я наконец ощутил ожидаемое наслаждение, хотя и не такое великолепное, как в первый раз. Случайно наткнулся на песню «Where I end and you begin»¹: «There's a gap in between. There's a gap where we meet. Where I end and you begin»².

Как только песня заиграла, что-то вокруг меня начало меняться. Странная тишина заполнила пространство — это было не просто отсутствие шума. Музыка все еще звучала в ушах, но тишина постепенно просачивалась в мое купе. Я открыл глаза — рядом со мной сидела девушка. Я увидел очень бледное лицо с зелеными глазами и короткие светло-каштановые волосы, вероятно, специально выпрямленные, которые закрывали поло-

¹ «Где заканчиваюсь я, и начинаешься ты».

² «Посередине пустота. Пустота там, где мы встречаемся. Там, где заканчиваюсь я, и начинаешься ты».

вину лица. В ее глазах читалось абсолютное недоверие. Возможно, то же самое она видела и в моем взгляде. Я снял наушники.

— Я потерялась, и вот уже двадцать лет, как жду, — сказала она внезапно.

Я обомлел: это было словно *дежавю*, хотя, возможно, я просто слышал эту фразу или нечто похожее когда-то раньше. Она продолжала:

— Вот уже двадцать лет, как поезд начал останавливаться, вы понимаете, о чем я? Порой нужно всего несколько секунд или чуть больше, чтобы поезд окончательно остановился.

— Да, да, иногда это ужасно, — ответил я, — но потом, когда поезд все-таки останавливается, чувствуешь себя неплохо.

— Но вот уже двадцать лет, — продолжила она, — как я не могу остановиться. Мне кажется, поезд еще ни разу не останавливался — за все эти двадцать лет.

— А что вы сейчас здесь делаете? — спросил я ее.

Сразу после этого вопроса я подумал про себя: почему я задал именно такой вопрос — как будто я доверял всему, что она может рассказать о провале во времени. Казалось, я верю ей всем сердцем. Доверие к ней проникло в мой разум, так же как тишина проникла в окружающее пространство, пока я слушал музыку.

Она сказала:

— Второй раз, как я свободна. Думаю, первый раз был лет пятнадцать назад. Это произошло, когда какой-то пассажир слушал песню, в названии которой было слово «конец», точно как в той песне, что слушали вы.

Она говорила по-английски с фламандским акцентом — так говорят жители Лимбурга. Я верил каждому сказанному ею слову. Странно.

Тем временем она продолжала:

— Я сошла с ума. Много раз я пыталась покончить с собой, но каждый раз оказывалась живой, а поезд никогда не останавливался. Ни разу. Первый раз я почувствовала свободу всего на несколько минут. Я пыталась рассказать тому человеку обо всем, через что мне пришлось пройти. Я просила его записать мое имя и рассказать всем, что я все еще существую.

— Каково это — быть здесь? — спросил я.

— Это все равно, что быть нигде. Это не похоже ни на одну из историй, которые я знала: о забвении, Судном дне или жизни после смерти.

— Так каково это? — снова спросил я.

— Ты просто ждешь, ты страдаешь, — ответила она. — Поезд вроде должен остановиться, однако не делает этого. Но я больше не страдаю.

— Почему же? — спросил я.

— Я научилась жить внутри себя. Я живу в своем собственном внутреннем мире. Там я свободна, и это и есть мой реальный мир.

— Реальный мир? — переспросил я с нескрываемым удивлением.

Оставив мой вопрос без ответа, она добавила:

— Первое освобождение оказалось пустой тратой времени, бесполезным усилием объяснить что-то настоящему глупцу. Дурацкая попытка, которая закончилась ничем. Я даже забыла назвать ему мое имя.

— Вам хотелось бы освободиться навсегда? — поинтересовался я.

С волнением в голосе она ответила:

— Это больше не имеет значения, но я хочу, чтобы они знали, что я все еще существую.

Ее желание, чтобы другие знали о ней, было настолько глубоким и очевидным, что я чувствовал его всем своим существом. Видимо, и сам я уже был частью этого желания. Я сказал ей:

— Я знаю, что вы существуете, я верю в это.

Ласково взглянув, она закрыла глаза, будто принимая мои добрые намерения и доверие к ней. Она продолжала рассказывать:

— После первого неудачного опыта я вынесла важный урок: когда мне будет дан второй шанс, я должна насладиться им, даже если будет совсем мало времени, мне просто необходимо успеть насладиться каждым моментом свободы.

Я видел страсть в ее глазах. Вероятно, то же самое она видела в моих. Какой очаровательный контраст: страсть в глазах на фоне той невинности, что была всего несколько минут назад. Звуки тишины и музыки отступили, оставив место лишь звуку нашего дыхания...

Она, ее глаза и звук ее дыхания — все исчезло, когда поезд остановился на очередной станции. Я верил, что девушка была на самом деле. Она действительно существовала. Никаких сомнений. И снова, уже во второй раз, она забыла назвать свое имя — главное свидетельство ее существования. Я решил называть ее Кэтрин. Возвращаясь домой, я вспомнил роман Эмили Бронте «Грозовой перевал» — я прочел его, когда мне было десять. Кэтрин из книги сказала, почти как моя Кэтрин: «Я блуждаю в болоте!.. Вот уже двадцать лет».

Эпизод 2

Казалось, она сходит с ума. Устав от постоянных правил и предписаний, она решила покинуть этот город. Не так давно она нашла для этого лучший способ. Возможно, самое простое решение...

Иногда ей казалось, что она знала больше, чем следовало бы. Знание необратимо — оно подобно пути в одну сторону, и возможности вернуться не существует. А что если единственный способ остановиться — это забыть?

Работа, развлечения, секс, алкоголь, рок-н-ролл... Тратя на них время, можно практически не думать. Но однажды придет время, когда знание станет сильнее всего, что способно его сдерживать. Она уже прошла через это. Но потом поняла, что победить зверя знаний можно с помощью такого монстра, как наркотики.

Она смотрела в окно, сидя в вагоне второго класса. Поезд двигался вперед, и она старалась ни о чем не думать. Перед ней сидела супружеская пара и их сын — мальчик десяти-двенадцати лет. Необходимость слушать их разговор уже действовала на нервы. «Откуда, черт возьми, берутся люди, которые даже не понимают, что нельзя говорить так громко?» — спрашивала она саму себя. Они были похожи на испанцев или итальянцев, но язык, на котором они говорили, был явно каким-то другим. Вскоре она начала корить себя за ненависть к этим иностранцам, а потом и вовсе отметила, что не так уж и громко они разговаривают — просто на другом языке. Она входила в новую социалистическую партию, и мысли о нелюбви к иностранцам просто не должны были посещать ее голову.

Она перевела взгляд от мелькавшего за окном пейзажа и обратила внимание на то, что происходило в купе. Быстро оглядела странную пару. И только теперь рассмотрела маленького мальчика. На этот раз она не просто скользнула по нему холодным взглядом. Ее равнодушные зеленые глаза, замороженные глазами ребенка, наполнились жизнью. Что-то изменилось в ее лице,

словно по волшебству. Оно уже не напоминало личину безжизненного деревянного Пиноккио, лицо ожило, в улыбке появились веселье и игривость. Она поправила волосы, вероятно, выпрямленные щипцами, и спросила мальчика по-голландски:

— Как тебя зовут?

Парочка взглянула на нее, понимая, что она обращается к их ребенку, но тот читал книгу, не замечая ничего вокруг. Мать сказала ему что-то на своем странном языке, заставив, по-видимому, отвлечься и взглянуть на девушку.

— Я не говорю по-голландски, — сказал мальчик на английском.

— Ничего, — ответила девушка, — я говорю по-английски. Сколько тебе лет?

— Десять.

— Ого, какая большая книга для десятилетнего мальчика. Как вижу, ты почти дочитал ее?

— Пока нет, я дочитал только до двадцать третьей страницы. Мы читаем и пишем справа налево.

— А, так ты араб?

— Нет! Мы не арабы, мы иранцы.

— А что это за книга? О чем она?

Мальчик растерялся:

— Я не знаю, как она называется по-английски, название достаточно сложное. Ее написала Эмили Бронте.

— Ого, «Грозовой перевал». Хм, Кэтрин Хитклиф, Линтон... То есть, Кэтрин Эрншо?

— Ага, правильно, Кэтрин Эрншо, — радостно ответил мальчик. — Значит, вы тоже читали эту книгу?

— Конечно. Целых три раза. Люблю этот роман.

Поезд уже подъезжал к станции, но девушке еще рано было выходить. Иранская пара начала собираться. Мальчик кивнул новой знакомой в знак прощания. Они пожали друг другу руки. На самом деле, ей хотелось бы обнять его, но, не зная, понравится ли такое его родителям, она не стала этого делать. Соседи по купе ушли. Девушка с сожалением вспомнила, что так и не узнала, как зовут мальчика. Хотя какая разница? Она снова начала смотреть в окно.

Прошло совсем немного времени, но каждая минута тянулась, как целый год. Впереди было еще пять станций. Как же она ненавидела ждать! Несколько недель назад она узнала об одной хитрости — простом способе скоротать время. Она зашла в туалет. Ни единого, даже мельком, взгляда в зеркало. С нетерпением открыла сумку. «В два раза больше обычного, — решила она. — А может, ввести все сразу?» Она перетянула руку, нашла вену и сделала инъекцию. Возникло сильное искушение одновременно положить конец и знанию, и ожиданию. Хотелось взглянуть в зеркало, но она не стала этого делать, опасаясь, что ее решительность иссякнет. Ввела в вену все остальное. И только потом посмотрела в зеркало. Глаза загадочно и радостно блестели. Она вернулась на свое место. Достала из сумки плеер. Нашла песню «Нирваны» «The man who sold the world»¹.

Although I wasn't there
He said I was his friend...
I laughed and shook his hand
And made my way back home.

¹ «Человек, который продал мир».

I searched for form and land.
For years and years I roamed.
I gazed a gazeless stare
At all the millions here.
I must have died alone
A long, long time ago¹.

Вскоре поезд должен был подойти к станции. Девушка закрыла глаза и стала ждать. Иногда для полной остановки поезда требуется чуть больше времени, чем обычно. Она продолжала ждать. Ее глаза оставались неподвижны.

¹ И хотя меня там не было,
Он сказал, что я его друг.
Я рассмеялся и пожал ему руку,
А потом пошел домой.
Я искал себя, свое место.
В течение многих лет я бродил.
Я смотрел на всех тех,
Кто находился рядом.
Я должен был умереть один
Давным-давно.

КАФЕ «ПОЛОНИЯ»

Всё началось с увлечения. Однажды я посмотрел старый документальный фильм¹. И меня будто потянуло куда-то. Я почувствовал непонятную связь с судьбами тех, кого даже не знал. С женщинами, которых семиглавый зверь войны заставил бросить всё и прийти в чужой город. С теми молодыми девушками — молодости и удовольствию, веселью и юмору, флирту и обольщению которых не суждено было воплотиться на родине. Все радости жизни закончились для них в Иране. На земле, совершенно им неизвестной. На земле, жители которой были добры к чужеземцам и полюбили незваных польских гостей. Иранцы гостеприимны, но женщины, о которых я говорю, и их красота стали проклятием для них самих. Красота этих женщин поработила их, пусть даже они пошли в это рабство добровольно.

Я говорю о молодых женщинах, которые частенько посещали кафе «Полония» на улице Лалезар в Тегеране в начале 1940-х годов. Это кафе было не для всех. Только влиятельным и важным людям можно было приходиться сюда. Людям, элегантно одетым, красиво говорящим и дающим золотые обещания. Пустые или правдивые. В то время иранцы были оккупированы британцами, американцами и Красной армией, но они собирались здесь, чтобы самим оккупировать тела и души этих прекрасных ангелов. В кафе, созданном войной, хотя его срок оказался короче, чем война.

¹ «Потерянный реквием» (1983), реж. — Хосроу Синаи.

Судьбы польских завсегдатаев кафе «Полония» не дают мне покоя. Мой разум одержим идеей выяснить тайну этого кафе. В мечтах я уношусь прочь из Брюсселя — обратно в Тегеран, вслед за судьбами этих женщин. Послушать их голоса, когда они радостно что-то обсуждают. Соблазняют. Танцуют. Сидят за фортепьяно. Курят сигареты, не отставая от мужчин. И влюбляются.

Я вспомнил моего деда. Не родного — приёмного. В голове — туманные образы. Помню, когда я был маленьким, то слышал, будто дед водил знакомство с поляками в Тегеране. Тогда он был молод. У него имелся знакомый, с которым они вместе навещали польских друзей. Он являлся не просто другом, но и родственником. Имени его я не помню.

Прошло десять лет с тех пор, как все знания о жизни, которые были у деда, он смог свести только к двум словам — «да» и «нет». Десять лет назад инфаркт лишил его возможности говорить. Он не знал больше никаких слов, кроме этих двух. Он даже не пользовался алфавитной доской, чтобы отвечать нам.

Я попросил свою маму спросить его о том друге. С большим трудом она узнала его имя — Курош Эсфандиари. Для этого ей пришлось прочесть моему деду весь список имён из старой телефонной книги.

Затем мы пытались выяснить историю Куроша через родственников: Курош, будучи молодым, влюбился в польскую девушку Розу, проживавшую в Иране, а через несколько лет он бросил её ради американки. Его новой любви. Единственное, что удалось разузнать о Розе, это то, что она умерла за несколько лет до смерти Куроша в Америке. Это означало, что оба уже покинули этот мир. Ушли. Как и кафе «Полония».

Я снова позвонил маме. В тот день, когда она должна была остаться с дедом, потому что у его сиделки был

выходной. Я попросил маму передать трубку деду. Я спросил его, знает ли он что-нибудь о кафе «Полония». Надо сказать, последние годы он мало на что реагировал. Ничто не могло заставить его волноваться. Но именно тогда, когда я спросил его о кафе «Полония», он с азартом ответил: «Да, да, да». Три раза подряд он прокричал «да». И это было всё, на что он был способен. Ему было что рассказать, но он не мог, а я так хотел услышать, но не мог — тоже...

12.07.2013

Брюссель

РУССКАЯ СВЯТАЯ В ТЕГЕРАНЕ

Мы ехали на вечеринку. Мне нравилось место, которое для нее выбрали — подворье русской православной церкви. Я и прежде много раз бывал там — встречался с грузинскими друзьями. Фарзам (Амир Фарзам) подъехал к двери моего дома, чтобы мы вместе смогли добраться до церкви. Нас обоих пригласили. С Фарзамом мы были близкими друзьями. Почему? Я и сам не знал, как ответить на этот вопрос, и он, по всей видимости, тоже. Мы знали друг друга со старших классов, но поначалу были всего лишь знакомыми, не более. После вступительных экзаменов в университет, во время совместной поездки, мы вдруг обнаружили, что любим одну и ту же музыку, и с тех пор стали близкими друзьями. Настоящими друзьями. Музыка стала поводом для начала дружбы, которая длится до сих пор, а нам уже по двадцать семь. Фарзам говорит, что двадцать семь лет — это возраст метаморфоз. Джим Моррисон внутри вас умирает, вы и сами можете вскоре умереть, но если останетесь живы, то уже никогда не будете прежними. Мы оба пережили личный кризис. Фарзам был неразговорчив, в отличие от меня. Но всегда наступал такой момент, когда мы оба начинали молчать. Обычно это случалось в автомобиле. Со многими моими друзьями поездка на автомобиле не доставляла удовольствия: во время движения они выключали музыку, чтобы поговорить о каких-то важных вещах. Фарзам был не такой. Мы с удовольствием слушали музыку, с удовольствием пили и еда ли не с большим удовольствием ели. То есть все начи-

налось с верхушки пирамиды Маслоу, но на более низких уровнях градус веселья только возрастал. Так и в этот вечер мы, как обычно слушая музыку, мчали на машине по Модаррес-хайвей, до площади Хафте-тир в центре города. Мы молчали, музыка гремела, и это было особенно круто еще и потому, что на дороге абсолютно не было машин — редкий случай в Тегеране. Когда мы доехали до площади, Фарзам спросил:

— Интересно, там кормить хорошо будут?

— Конечно, — ответил я. — Не помнишь разве? Тамила и ее друзья классно готовят.

Но он ничего не помнил, потому что на прошлой вечеринке, когда Тамила и ее друзья готовили, жутко напился. А когда он так напивался, то уже не мог ничего помнить. А еще, когда он так напивался, то становился похож на орла, который выследил жертву. Его глаза фокусировались на одной точке, и я, пожалуй, был единственным человеком, который знал, что этой точки не существует вовсе. А некоторые считали, что он становился похож на извращенца, — вот какие у него были глаза.

Мы продолжали ехать вниз по проспекту Мофаттех и добрались до Атарод-аллеи, где в 1941 году русский архитектор Марков начал возводить православную церковь. Советы не приветствовали это строительство, поэтому его финансировали русские иммигранты Ирана — те, что бежали из страны во время революции 1917 года. Во всяком случае, это была официальная версия. Хотя, возможно, бывшие резиденты здания напротив, когда-то значимые, а теперь уже изгнанные, испытывали чувство духовного и религиозного удовлетворения, помогая противникам советского режима, славянам той же плоти и крови, строить церковь, просто церковь, перед своим зданием. И это не пустые слова, учитывая тот факт, что

русская церковь построена перед бывшим американским посольством. И поскольку я иранец, даже знание того факта, что церковь была построена на этом месте еще до возникновения американского посольства, не поколебало моей твердой уверенности в теории заговора.

Мы с Фарзамом, немного размякшие от выпитого еще у меня дома алкоголя, в приподнятом настроении от хорошей музыки и быстрой езды, добрались, наконец, до «логовища шпионов»¹ и припарковали автомобиль в конце Атарод-аллеи.

Развязной походкой ковбоев мы подошли к двери Свято-Николаевского собора и позвонили в дверь. Тамила, дружелюбная грузинка, состоящая при храме добровольцем, спросила на персидском и русском, кто пришел, и я ответил по-русски: «Это мы, Амиры». Когда дверь открылась, Фарзам произнес:

— Ну ты и придурок, она же ответила на персидском, зачем тебе понадобилось говорить по-русски?

Я только взглянул на него со злостью и ничего не ответил на этот выпад. Мы вошли в коридор стоявшего особняком административного здания церкви. Когда дверь закрылась, мы очутились где-то за пределами Тегерана. Не исключено, что главной причиной, по которой мы туда пришли, и был этот побег в другой мир. Пожалуй, это и есть та самая причина, по которой многие современные иранцы принимают наркотики или напиваются. Мы прошли мимо полок со старыми книгами, написанными еще дореволюционным шрифтом, и, как всегда, взглянули на портрет царя-страстотерпца Николая II, висевший рядом с книжными полками в холле. Мне захоте-

¹ Так исламистские фанатики в Иране называли американское посольство, когда 33 года назад взяли в заложники американских дипломатов (*прим. автора*).

лось сказать Фарзаму, что если восстановить цепочку причинно-следственных связей, то невразумительное и слабое сопротивление назревавшей революции со стороны Николая II явилось одной из главных причин, по которой в тот момент мы могли находиться в этой самой церкви, но он мог высмеять меня и выставить полным дураком, так что я не рискнул поднимать эту тему. Но вдруг он сказал очень странную вещь:

— Если бы иранский шах более решительно и жестко противостоял бы иранской революции в 1979 году, мы бы, скорее всего, не находились сейчас здесь, нам бы это просто не понадобилось.

Я почти убил его наповал своим ответом:

— Это, наверное, единственная причина, которая примиряет меня с иранской революцией.

В другом конце коридора появилась наша славная Тамилла. Мы с ней поздоровались, и она провела нас в большой зал, располагавшийся в том же административном здании. Остальные гости были уже там. Вечеринка, хоть и в отдельном здании, но все-таки при русской православной церкви, была событием, мягко говоря, нечастым. И хотя закрытость и полуполюгальность всяческих общественных событий в Иране отчасти объясняли разрешение на проведение вечеринки при православной церкви, но это все равно было довольно чудно. Отца Александра, что не удивительно, на встрече не было, но, по словам Тамиллы, на юбилей церкви пришло много известных русских и грузин, проживавших в Иране. Были приглашены и некоторые иранские специалисты в области кино, музыки и права. Мы, конечно, не входили ни в одну из этих категорий, и единственной причиной нашего присутствия здесь была дружба с грузинскими девчонками, помогавшими в свободное время в церкви.

Как только мы пришли и Тамила налила нам красного вина, мой нос уловил запах капусты из кухни. Когда она подавала мне бокал с вином, я спросил:

— На ужин будут голубцы?

Она ответила: «Да», — но на самом деле мой вопрос являлся лишь введением ко второму, главному вопросу, читавшемуся также в глазах Фарзама: «Дорогая, а нет ли у вас жареной семги?». Тамила ответила со своим милым грузинским акцентом:

— Да, мы еще будем подавать жареную семгу и жареного барашка. Немного терпения, пока еще рано жарить рыбу.

Этот ответ вернул нам душевное спокойствие, и, умиротворенные, мы принялись разглядывать других гостей.

Мы стали похожи на голодных волков: не сердцем — взглядом. Наши глаза машинально отфильтровывали мужчин и в доли секунд сканировали женщин. В какой-то момент эти рыщущие лучи пересеклись и сосредоточились на одной точке недалеко от кухни. Там стояла женщина лет тридцати пяти или тридцати шести, и глаза ее сверкали, как у кролика в темноте, в свете охотничьих прожекторов. Это, конечно, мое личное впечатление, и неизвестно еще, кто был настоящим охотником. Мы оба с Фарзамом двинулись к источнику света — одна рука в кармане, а вторая с бокалом вина (мы думали, что похожи на Фрэнка Синатру и Дина Мартина). По ходу движения наши угрюмые лица оживлялись. Когда мы подошли, источник света, высокая стройная блондинка, не дав нам сказать ни слова, заговорила на персидском с явным русским акцентом:

— Ничего себе, так значит, возникают случаи, когда иранцы забывают об известной иранской галантности и оба хотят быть первыми.

Она сказала так потому, что мы обгоняли друг друга, пытаясь быстрее подойти к ней. Когда мы услышали ее слова, то поняли, что столкнулись с непростым случаем. Пока мозг отказывался подавать какие-либо команды и мы молча рассматривали наш источник света, который был одет в черную мини-юбку, чулки того же цвета и белую шелковую блузку с воротничком-бантом, она указала на дверь и громко произнесла:

— О, мистер Фарманара.

Мы обернулись в ту сторону. Да, она была права: это действительно был мистер Фарманара. Бахман Фарманара. Высокий, немного грузный человек в длинном черном пальто, сером шелковом шарфе, элегантно обернутом вокруг шеи, и стильной черной шляпе на голове. Тамила взяла у него пальто, шляпу и длинный шарф сразу на входе. Я знал, что ему уже за семьдесят, но он до сих пор выглядел стильно и привлекательно.

Источник света направился к Фарманаре, фокус наших взглядов тут же сместился с Фарманары на ее ноги, обтянутые черной сеткой чулок, и мы застыли на месте, не в состоянии пошевелиться.

— Кто такой этот Фарманара, ее бойфренд? — спросил Фарзам.

— Ты чего, это же режиссер, не помнишь, мы вместе смотрели его трилогию о смерти?

Фарзам сразил меня своим впечатляющим ответом:

— А, ага, — сказал он.

Приход Фарманары совпал с мелодией вальса Шостаковича номер два, звучащей из магнитолы в холле — какое идеальное совпадение.

Мы с Фарзамом опять двинулись в одном направлении, но на этот раз с разными намерениями. Мы подошли к тому месту, где источник света и Бахман Фарманара

приветствовали друг друга. Встали неподалеку, раздумывая, как бы присоединиться, но внезапно наш источник света сама помогла нам. Она поманила нас пальцем, приглашая в свою компанию. Мы встали рядом, и источник света, указав на Фарманару, представила его:

— Мистер Бахман Фарманара.

Фарзам, потеснив меня, шагнул вперед. В то время как Фарманара протягивал ему руку, чтобы поздороваться, Фарзам протянул свою к источнику света. Душе-раздирающая сцена. Мне пришлось буквально впрыгнуть между ними и пожать Фарманаре руку от лица Амира Фарзама.

— Амир, — представился я. То же самое сказал и Фарзам, знакомясь с источником света. Фарманара, растянув губы в широкой ухмылке, так что одним уголком они почти коснулись левого глаза, тоже представился:

— Фарманара, Бахман Фарманара.

Я так и не услышал ответ, предназначавшийся Фарзаму, а потому нетерпеливо отвел глаза от Фарманары и с любопытством уставился на источник света.

— Елена. Но вы можете называть меня Леночка, — ответила она. Я протянул ей руку, но не затем, чтобы пожать ее ладонь: видимо, вино, которое налила нам Тамила, было действительно хорошим, и я отважился поцеловать протянутую мне руку — «маленький поцелуй» в духе старого русского дворянства.

Когда я поднял голову, то увидел, что с левой половины лица Фарманары все еще не сходила усмешка. Леночка, спасительница неловких моментов, спросила, глядя на нас с Фарзамом:

— Чем вы занимаетесь по жизни?

— Мы бизнесмены, партнеры по бизнесу, — ответили мы.

Вообще, Фарзам не из тех, кто любит много говорить, а потому он поторопился задать встречный вопрос:

— А вы, Леночка, кем работаете?

Детская, неподдельная радость озарила ее лицо, и она ответила:

— Я журналистка.

Она хотела добавить что-то еще, но я начал беспокоиться, что Фарзам может задать аналогичный вопрос Фарманаре: «О, а вы кем работаете, мистер Фарманара?» — так что пришлось перебить Леночку:

— Да, а вот мистера Фарманару можно и не представлять. Все знают, что он великий режиссер.

Не обратив внимания на мое замечание, Леночка продолжила говорить:

— Да, я сказала, что я журналистка, но это ненастоящая моя работа. Это просто прикрытие моей настоящей деятельности.

Тем не менее, Фарзам, без злого умысла, подобно змее, жалящей просто по своей природе, выпалил один из тех двух бредовых стереотипов, вероятнее всего неверных, о русских женщинах.

— Неужели вы шпионка? — спросил он у Леночки.

В тот момент я испытал смешанные чувства — что-то вроде стыда и одновременно облегчения, что он хотя бы не сболтнул другой, худший стереотип, который мог бы испортить весь вечер.

— Нет, — очень серьезно ответила Леночка, — моя настоящая работа — быть святой. Я действительно святая.

Мы с Фарзамом удивленно переглянулись.

— А, понятно, — сказал я. — Вы сестра, сестра в монастыре — вы это имеете в виду?

— Нет, нет, я святая. Разве может сестра носить такое? — ответила Леночка, засмеявшись.

— Она не лжет, она святая, — сказал Фарманара.

— Ну да, а мы тогда два дурака, — ответил Фарзам Фарманаре.

— Вы поверите мне сегодня вечером, — сказала Леночка. — Если хотите, мы спустимся в подвал церкви, и я покажу вам. А после выпьем домашнего вина.

Фарманара сказал, что не будет сегодня пить, а потом внезапно отошел в другой угол.

Я не мог понять, почему он ушел, и мне было жаль, что мы упустили возможность пообщаться с этим человеком. Фарзам тоже выглядел разочарованным, и, скорее всего, он думал о том же, о чем и я: что Леночка может оказаться банальной шизофреничкой или ей просто захотелось нас подурочить. Станным было и то, что Фарманара подтвердил ее слова. Я не уловил ни капли юмора в его речи. Леночка тоже куда-то ушла от нас. Но нам уже было все равно. Мы подошли к длинному столу, заставленному разными закусками и напитками. Мое внимание привлек большой бронзовый самовар, стоявший в углу стола. К моему удивлению, он нормально работал, причем не от электричества, а на углях, и это меня очень впечатлило. Грузинские девчонки сделали все возможное, чтобы этим вечером оживить некоторые старые русские традиции. Невозможно было сопротивляться желанию попить чаю из самовара, и мы с Фарзамом как раз собирались это сделать. Пока я наливал чай, Фарзам сообщил мне, что в другой стороне зала готовится живой концерт. Входя в зал, я видел рояль, но даже не мог предположить, что сегодня кто-то собирался на нем играть. Виолончель, гитары и бас-гитары, кларнеты и трубы —

различные инструменты, которые я знал и те, о которых даже не подозревал, настраивались музыкантами. Намечался грандиозный концерт!

Настала очередь Фарзама наливать чай. Когда он дотронулся до самовара, послышался чопорный женский голос:

— Вы, мужчины! Иранские мужчины, вы даже не хотите видеть нас, вы игнорируете нас, женщин, мы — забытая часть общества!

Фарзам не отреагировал — он даже не услышал ее. Она была права: когда Фарзам намеревался что-то сделать, он забывал не то что о женской части общества, а об обеих его частях, но обладательница голоса не знала этого. Я повернул голову, чтобы посмотреть, кто говорит. Ничего себе, да это же Шади Бадр, я встречал ее фотографии в газетах, она была защитницей прав женщин, очень известным иранским адвокатом и феминисткой. У нее были короткие волосы, модные очки и немного лишнего веса. Я спросил:

— Это вы? Мисс Шади Бадр, приятно вас здесь видеть.

— Неправильный ответ, — грубо выплюнула она.

Я был удивлен: конфликтует с Фарзамом, а досталось мне. Я посмотрел на Фарзама: тот самозабвенно сражался с краником — это было очевидно, он никак не мог добиться от самовара того, чего хотел. Шади Бадр посмотрела на меня и с еще большим раздражением сказала:

— Почему вы не соблюдаете очередь? Сейчас была моя очередь, а вы тут ломаете кран самовара!

Я был в шоке, это просто невероятно: вместо того, чтобы высказать свои претензии Фарзаму, она говорила все это мне. С какой стати? В замешательстве я даже дар речи потерял. Возможно, я ошибся, и это была не Шади

Бадр, а, к примеру, одна из пациенток с умственным расстройством, которые жили в соседнем доме, где располагался христианский дом престарелых. Но нет, она вовсе не была старой, она была молодой. Фарзам все еще не обращал на нас никакого внимания. О Господи, он дергал кран самовара вверх и вниз с такой силой, будто это был кофейный автомат. В этот момент Шади Бадр набросилась на кран самовара и закричала:

— Прекратите немедленно, у него есть кнопка!

Я знал, что скоро она разъярит Фарзама. Какую кнопку она имела в виду? Мы с Фарзамом посмотрели друг на друга, и я спросил:

— Какая кнопка? На самоваре нет никакой кнопки. Но она снова закричала:

— Вы, мужчины, ничего не слышите и совершенно ничего не понимаете.

— Покажите нам эту кнопку и научите, как этим пользоваться, — сказал я.

— Показать вам? — снова закричала она. — Я здесь для того, чтобы вас учить? Ну уж нет, извините, это не моя работа. Да и слишком поздно вас учить, раз ваша мамочка не научила вас этому в детстве.

Я был взбешен: с какой стати она высказывала все эти грубости мне? На мгновение я бросил взгляд на большой китайский чайник, стоявший на самоваре, и со злостью представил, с каким бы удовольствием ударил ее по голове этим чайником и заставил ее заткнуться — по крайней мере, на сегодняшний вечер. Как Раскольников — только с чайником вместо топора.

Фарзам наконец-то обратил на нее внимание и начал хоть что-то говорить. Он сказал:

— Мисс, где же эта кнопка, о которой вы ведете речь?

— Пропустите меня, я буду наливать себе чай, а вы смотрите и учитесь, — возбужденно ответила Шади.

Фарзам отошел в сторону и не удержался, чтобы не сказать:

— Хорошо, краник только ваш, сделайте, как нужно, вы же эксперт в этом деле.

Я думал, начнется большой скандал, ведь в словах Фарзама чувствовался неприкрытый сексизм, но, к моему удивлению, она не обратила никакого внимания на его слова и стала просто искать придуманную ею кнопку.

Шади портила мне чаепитие. Фарзаму не удалось справиться даже с самоварным краном. Тамила подошла к нам и спросила, не хотим ли мы еще вина.

— Французского или грузинского? — спросила она. Так как вначале мы пили французское, то теперь оба заказали грузинское. Она сказала, что принесет нам особое грузинское вино «Саперави». Шади, все еще искавшая несуществующую кнопку, перебила Тамилу:

— Мисс Тамила, подскажите, пожалуйста, где на этом самоваре кнопка?

— На нем нет кнопок, — ответила Тамила.

Шади очень удивилась, и опять вернувшись к своей чопорной манере, произнесла:

— Как это? Такого просто не может быть.

— Почему же не может быть? — с улыбкой ответила Тамила. — Это обычный самовар, не электрический, у него нет кнопок. Разве у иранских самоваров они есть?

— Не будем разводить дискуссию, — ответила Шади. — Я спросила, где кнопка, не нужно умничать, Тамила.

Все еще улыбаясь, Тамила сказала:

— Какая дискуссия, дорогая? Давайте мне ваш стакан — я налью вам чая.

Шади крайне невежливо ответила:

— Кто просит вас наливать мне чай? Разве я просила об этом? Я не просила давать мне рыбу, я просила научить ее ловить. Не нужно делать вид, что вы такая добрая...

Мы с Фарзамом и Тамилей поняли, что стоять рядом с самоваром больше нет смысла, так что оставили Шади и дальше искать несуществующую кнопку и пошли за грузинским вином.

Тамила налила нам «Саперави». У него был глубокий темный цвет, цвет ночи, и неповторимый вкус. Казалось, вся грузинская история сосредоточилась в одной бутылке, и каждый глоток передавал частичку истории этого народа. Мы наслаждались вином и совсем забыли о присутствии Шади Бадри и о том, что она вытворяла. Магия грузинского вина затуманила и влечение к русской красавице. Казалось, все, что было вокруг нас, вдруг потеряло свои очертания, и единственным, что осталось четким, был стакан с «Саперави».

Подобно древним цивилизациям, рухнувшим от натиска захватчиков, великолепное настроение, созданное вином, рухнуло от грубого голоса, кричавшего в микрофон:

— Дамы и господа, имею честь представить вам доктора, доктора, доктора... — Словно игла старого граммофона, язык конферансье зацепился за слово «доктор», и голос повторял его снова и снова — возможно, для того чтобы заставить аудиторию замолчать, — ...доктора Юберменша¹ Шахкара. Вы все знаете доктора Шахкара, он не нуждается в представлении, но я хочу напомнить вам, что

¹ Übermensch (сверхчеловек, нем.) — образ, введенный философом Фридрихом Ницше в произведении «Так говорил Заратустра» для обозначения существа, которое по своему могуществу должно превзойти современного человека настолько, насколько последний превзошел обезьяну.

через несколько минут нам выпадет честь присутствовать при его выступлении. Симфонический оркестр Киева и музыканты симфонического оркестра Барселоны будут ему аккомпанировать.

Мужчина средних лет с грубым, агрессивным голосом элегантно сочетал в своем облачении золотистый жилет с темно-желтой рубашкой и темно-оранжевый галстук! Он весь был средоточием зрительной и слуховой агрессии и напомнил мне поддельных профессоров и иллюзионистов на Диком Западе. Типа профессора Марвела. Таких, которые бродили из города в город, показывая и продавая волшебные снадобья и микстуры. Обычно у таких профессоров были тайные помощники среди зрителей, что делало шоу более достоверным и помогало убедить людей покупать их товар. Возможно, профессор Марвел был сообщником доктора. Я взглянул на членов Киевского симфонического оркестра. Жалкая кучка пожилых иностранцев, явно приехавших из разных стран. Кто его знает, за какую сумму они продали свое искусство Шахкару. Рядом с ними стояла группка людей, похожих на цыган. Можно было сказать, что они приехали откуда-нибудь вроде Перу или Боливии, но их почему-то представляли как Барселонский симфонический оркестр. При этом у них не было той жизнерадостности, присущей цыганам, — все они имели вид мрачный и подавленный.

Любитель микрофона после такого скромного представления музыкантов попросил публику позволить ему кратко представить доктора Юберменша Шахкара. Иранский способ привлечь внимание присутствующих. Начали с имени доктора.

— Юберменш его име, фамилие, «Шахкар» по-русски значит «шедевр».

Эту часть он сказал на русском. Мой русский не так уж хорош, но, когда я услышал его жалкую попытку сказать предложение по-русски, у меня возникло чувство, что в микрофон говорил немой иммигрант, работавший в Москве таксистом. Ну, во всяком случае, теперь каждый знал, что «Шахкар» означает «шедевр».

Продолжил он на персидском. С этого момента его речь стали сопровождать слайды на русском и английском языках, на которых Шахкар был изображен во всем своем блеске. Вот как выглядели некоторые из его героических деяний, запечатленных на фото:

— Юберменш, получающий степень бакалавра по экономической географии в 1994 году...

— Ведущий и исполнитель самого первого гитарного перформанса со времен исламской революции в Иране в 1994 году...

— Первый музыкант, основавший в Иране объединенный оркестр путем слияния иранской и западной музыки в 1995 году...

— Начавший писать докторскую диссертацию в области градостроительства в 1996 году...

— Признанный иранским министерством науки официально как самый молодой соискатель докторской степени в Иране...

Каждая из этих фраз будто молотком била по головам присутствующих. Любой из этих пассажей касался не только доктора Шахкара и его легендарной личности. На самом деле, его «заслуги» выглядели довольно униЗИтельно для иранцев. Например, не означает ли появление с подачи Шахкара первого смешанного оркестра только лишь в 1994 году, исключительной примитивности иранского народа, не додумавшегося до этого раньше? Воз-

можно, они страдают отсутствием или изъясном мозговых долей, отвечающих за творчество и умение мыслить нестандартно. Но, наконец-то, Юберменш стал тем единственным, кто в 1994 году смог показать, что существует-таки и в этой отсталой нации исключительный случай (угадайте, кто), с более сложной и утонченной структурой мозга, чем у остальных членов общества. Утверждение, что он является самым молодым доктором наук, тоже казалось странным. В нынешнем 2013 году Шахкару сорок один. Сколько же лет ему было в 1996 году, что его признали самым молодым докторантом в истории образования нашей страны? Это было оскорблением интеллектуальных способностей всех, кто был в состоянии вычесть одно число из другого, произведя тем самым элементарную математическую операцию.

Постепенно несчастные музыканты собрались вместе и заняли свои места, и я смог легко догадаться, что для прожектора наступило время освещать только лишь доктора Шахкара — «шедевра». И именно это и произошло.

Шахкар победоносно ступил на авансцену. Оркестр начал играть. Величественная и славная классика завораживала слух. Кружащаяся и порхающая над сценой балерина, танцующая великолепно, была единственной, помимо Шахкара, кто удостоился света прожекторов. И все же главное внимание было сосредоточено на этом нарциссе: лучи света никогда его не оставляли, и в то же время на экране позади него постоянно мелькали его фотографии. Вдруг классическая музыка сменилась популярной песней. Под мелодию Дина Мартина «Sway» Шахкар начал петь, правда, на персидском: «Твое место здесь, здесь, в моем сердце, прямо здесь, именно здесь...». Мы с Фарзамом, оба мрачнее тучи, посмотрели друг на друга.

Затем взглянули на Фарманару: он выглядел как человек, который только что выпил полный стакан горького миндального масла после нескольких часов острого кишечного расстройства. О Господи, что же ты, Юберменш, сделал с настроением от «Саперави»? Все рушилось и исчезало. Великолепие классической музыки, очаровательная балерина, музыканты — все было подчинено лишь одному: гнусавому голосу Шахкара и его глупым плоским шуткам, которые казались забавными только грузинам. Я не понимал, что именно в этих шутках так забавляло грузин.

Мы с Фарзамом всегда были против крепких алкогольных напитков. Но, что удивительно, постоянно находят убедительные причины отказаться от самоограничения. Голос и движения Шахкара оттеснили нас в самую дальнюю от сцены сторону, уголок, где несколько немолдых русских, уже изрядно принявших, налегали на водку. В наши дни русская водка не так уж популярна среди молодежи в больших городах. Это не модно и может быть расценено как деревенская привычка, что совсем не круто. Виски считается стильной альтернативой, тогда как водка сохраняет свои позиции среди людей среднего возраста. Но именно настоящая русская водка. Как калифорнийское вино может оскорбить французов, настоящих ценителей французских вин, так и водка «Абсолют» или «Смирнофф», разливаемая за границей, не очень ценится русскими. К счастью, когда русские пьются, они становятся ультращедрыми, и мы были приглашены выпить водки «Стандарт» вместе с ними.

Благодаря «Стандарту» мы даже и не заметили, как Шахкар закончил свое выступление. Он поклонился аудитории, но люди, занятые собственными разговорами, даже не обратили на это внимания. Он послал воздушный поцелуй, и Фарзам сказал:

— Вот черт, после водки было так хорошо, а он взял и все испортил.

Группа жалких музыкантов внезапно исчезла, но балерина, к счастью, осталась. Она направилась к нашему углу.

Мы с Фарзамом посмотрели друг на друга. Я поразился. Его глаза просто засверкали. Порхающая балерина, оказавшаяся украинкой, по сведениям хозяев нашей водки, подошла к нам. Она искала чего-нибудь выпить. В тот момент, когда балерина, или, лучше сказать, добыча, подошла к нам, во всех нас проснулась волчья натура. Волк — признанное в славянской культуре животное. Фарзам, продемонстрировавший блиц-релиз своего внутреннего волка, не знал ни слова по-русски, но, опередив всех нас, неожиданно и совершенно спокойно сказал на беглом русском:

— Вина? Французского или грузинского? Можете выпить с нами водки.

Я сильно удивился. Ищущая водопоя усталым, но теплым голосом, немного приправленным кокетством, ответила вполне однозначно:

— Водку.

Глядя на ее невинное лицо, светлые волосы, стянутые сзади в тугий узел, и красивые длинные голые ноги, покрытые испариной, можно было подумать, что это невинный ангел, только-только вернувшийся со сложной божественной миссии. Но все, что создало воображение в тот волшебный момент, было разрушено, когда она произнесла слово «водка» так самоуверенно и весело. Так невинный ангел, вернувшийся с божественной миссии, превратился в очаровательного чертенка, который мог бы заставить вас следовать за ним до последнего круга ада.

Не сладкий ангел, но обворожительный чертенок заставил меня протянуть руки за нераспечатанной бутылкой водки, принадлежавшей щедрым русским парням, немедленно распечатать ее и налить танцовщице стакан «Стандарта». Пока другие волки, включая Фарзама, остолбенело наблюдали за моими манипуляциями, послышался голос Тамилы, говорившей в микрофон:

— Дамы и господа, сейчас мы слушаем короткое выступление мисс Шади Бадр, известной иранской журналистки, адвоката, федералистки и феминистки. Она выступит с речью «Территориальная неприкосновенность, обоснованная значимость или историческое господство мужских прав?».

Шади Бадр вышла на сцену и с чувством дотронулась до микрофона, как делают все те, кто любит трибуны, микрофоны и публичные выступления. Она начала так:

— Когда меня представляли, то немного ошиблись. Я не федералист. Федерализм — уловка, позволяющая удерживать под одной крышей тех, кто хочет разделиться, я же поддерживаю разделение и развод, неважно — в семье или на так называемом национальном уровне. О, я только что сказала «национальный» — ненавижу это слово. Поймите меня правильно: я поддерживаю разделение не потому, что уважаю разделение как таковое, а потому что разделение — это единственный вариант освобождения. Я хочу попросить уважаемых иранцев и русских откинуть предубеждения и не испытывать сильных эмоций по поводу слова «разделение». Посмотрите на независимую часть мира, например, на Евросоюз, разделение там — рутинное дело.

Я задумался, почему она не попросила грузин не испытывать сильных эмоций. Еще я вспомнил, как однаж-

ды она назвала всех иранских мужчин сексистами. Из этого, а также из теперешней ее речи следовало, что она поддерживала как минимум развод всех иранцев.

Ее речь напомнила мне о моем хроническом умственном расстройстве — запойном, но беспорядочном и бессистемном чтении. Я всегда считал: если чтение не сфокусировано на одной теме или области, то даже если не вчитываться, все равно повышаешь шанс пострадать глубже и болезненней при столкновении с теми, кто порет всякую чушь. Таковую чушь сейчас порола Шади Бадр. На самом деле федерализм, или, лучше сказать, навязанный федерализм, неизбежно вел к процессу разделения. Ввести федерализм в мультязычных странах означает толкнуть первую костяшку домино в выстроенной фигуре разделения. Ее пример с Евросоюзом — чистой воды популизм. В лучшем случае, Евросоюз можно назвать *надгосударством*, и разделение в рамках Евросоюза было больше похоже на деление иранских или русских земель на более мелкие, но в рамках одной страны, а никак не разделение отечества на другие, меньшие страны. Как она могла быть настолько невежественной, чтобы не знать, что специалисты и теоретики Евросоюза, такие как Ги Верхофстадт, мудро предчувствовали опасность в концепте унитарности, так что они начали говорить о новой платформе под названием «объединенные штаты Европы».

Она просила русских не испытывать сильных эмоций по отношению к разделению. Видимо, она имела в виду такую часть их родной страны, как Чечня, собиравшуюся отделиться. Но она не говорила о частях бывших республик вроде Абхазии, которые несколько лет назад голосовали за присоединение к России, но которые Запад не поддержал. На самом деле, Шади Бадр

была права. Она была категорически против разделения, в то же время радикально поддерживая его, в зависимости от того, кто и от кого хочет отделиться. В этом аспекте ее воззрения были вполне в духе американской и российской политики.

Поучительные нотки пропали из ее голоса, теперь она придала своей речи поэтичности:

— Мне бы хотелось покорно попросить вас выразить свое уважение радикалам минутой молчания.

Я не понял, какой в этом смысл, и, кажется, другие тоже не очень поняли, так что она оказалась единственной, кто молчал в течение минуты, чтобы выразить радикалам уважение. Я подумал, что она, возможно, пытается применить одну из речевых техник, чтобы привлечь внимание аудитории к теме радикализма, ведь его возрождение становится одной из основных угроз безопасности в мире. Но как только она заговорила, я понял, что ошибся. Она продолжила:

— Радикалы — одни из самых порядочных членов общества, и я уверена, что они должны быть реабилитированы. Они — сокровище иранского общества, и их голос должен быть услышан и подхвачен любыми способами. Слово «радикалист» не должно быть оскорблением, мы должны переосмыслить эти термины, потому что все изменения в нашем обществе — в руках радикализма. Радикалы — самая нестигаемая, непреклонная и самая идеалистическая сила общества, а без радикальных настроений у общества не будет способа противостоять тем, кто не дает этому обществу развиваться собственным путем.

Но вскоре после того, как Шади Бадр назвала себя идеалисткой, она привела весьма прагматический и даже макиавеллевский аргумент, подтвердивший ее идеали-

стический радикализм: без радикалов центристы и умеренные группы не смогут вести переговоры, только в пугающем присутствии радикалов те, кто у власти, согласятся на переговоры с менее пугающими и умеренными группами.

Потом она выступала за радикализм и против всепрощения. Русский мужчина средних лет, сидевший рядом со мной, сказал мне на фарси:

— Насколько я знаю, эта леди стала известна благодаря своей деятельности против насилия в обществе, особенно что касается жестокости в отношении женщин и детей, так почему же сейчас она восхваляет и теоретизирует радикализм, выливающийся, в конечном счете, в массовое насилие?

— Верно, сэр, — ответил я. — На самом деле, еще до этой леди тем же самым путем шли сирийские оппозиционеры.

Я всегда с трудом верил тем, кто произносит слова так, будто читает поэму. Я даже побаивался их. Я вспомнил турецкого торговца антиквариатом, к которому мы ходили вместе с отцом, когда я был маленьким. Он всегда представлял свой антиквариат декламирующим голосом. У меня складывалось впечатление, что чем больше он надувал нас и жульничал, тем более поэтичной и раздутой становилась его декламация. И он всегда заканчивал заунывным «О!». Позже я заметил ту же манеру у девушек, которые, заскучав в своих стабильных отношениях, решают немного разнообразить жизнь, изменяя своим парням. Они никогда не говорят, что хотят что-то перестроить, но зато долго вещают об огромных «силах», которые они кладут на алтарь отношений, ничего не получая взамен. Некоторые убийцы, которых показывают по телевидению, тоже демонстрируют перед камерой эту загадочную по-

этическую манеру, когда их спрашивают о ночи убийства. От этой трагичности меня начинает тошнить. Вероятнее всего, это не только восточная особенность, но мне кажется, что для востока это должно быть более характерным, что-то вроде способа показать себя. На востоке слабость и убогость до сих пор путают с невинностью.

Я отвлекся и несколько минут не воспринимал ее, как вдруг услышал:

— Эта чертова территориальная целостность, эта чертова Россия, чертов Иран. Давайте же отбросим эти прогнившие догмы...

Некоторые русские прошептали «сука». «Сука» в русском имеет много значений. Это слово обозначает что-то вроде *bitch* на английском. Русские не терпят даже шуток о собственной государственности. Даже если бы она знала, о чём смеет говорить, то все равно до нее не дошло бы, где она говорит об этом. Думаю, она представляла себя такой храброй и нестандартно мыслящей, раз осмелилась произнести подобное вслух, переступив через все границы, догмы и стереотипы. Хотя очевидно, что представление о храбрости и идиотизме у нее было довольно смешанное...

Бахман Фарманара встал со стула и, подойдя к нам, взволнованно сказал:

— Пойдемте в подвал, как Леночка предложила, я не могу здесь больше находиться. Леночка, сидевшая через несколько стульев от нас, заметила желание Фарманары пойти в подвал и жестом показала Тамиле, что мы уходим. Мы согласились с Фарманарой и вчетвером направились к выходу. Уже выходя, я слышал, как Шади Бадр говорила:

— Рассматривание суверенитета как приоритетного направления в политике на самом деле интересует не все

общество (под обществом я понимаю сообщество мужчин и женщин), в действительности же это только мужской интерес. Это пример сексизма в крупном масштабе. И все из-за доминирования мужчин в нашей так называемой истории.

Мы даже остановились на секунду, когда услышали это ее «так называемой истории». Она продолжала:

— Выдвижение правительствами на первый план суверенитета как важного политического аспекта происходит от патологической неполноценности мужской психологии и системы мышления, которая в примитивных формах проявляется в ревности мужчин в отношении своих жен, а в более развитых формах выражается как суверенитет...

К счастью, мы уже вышли в длинный коридор и не могли отчетливо слышать ее голос.

Вероятно, семидесятичетырехлетний иранский режиссер, находясь там, почувствовал себя плохо, так что, несмотря на свой первоначальный отказ, даже предложил пойти в подвал. Ирония судьбы заключалась в том, что Шади и Шахкар, благодаря своей ограниченности и недалекости, могли оставаться наверху, и их голоса усиливались микрофоном, а настоящий мастер иранского кино, человек, чье сердце билось для своей страны, сделавший что-то стоящее для своей родины, предпочел уйти в подполье. И это был очередной пример современной иранской андеграундизации всего лучшего.

Может быть, за это стоит корить не только правительство, но, в данном случае, не подлежало сомнению — гениальные иранские консультанты организаторов сегодняшнего праздника посчитали, что у Шади Бадр и Юберменша Шахкара найдется больше достойных слов для публики, чем у иранского режиссера. Кинодеятеля, чей

дом, после запрета независимых литературных премий в пост-ахмадинежадскую эру, был предоставлен им самим для проведения церемоний награждения. Но сейчас из-за постоянных бомбардировок искусства и логики со стороны Юберменша и Шади, он предпочел предназначавшееся для хранения домашнего церковного вина подполье Свято-Николаевского собора.

Нам надо было пройти тем же коридором, через который мы вошли. Мы вновь прошествовали мимо старых русских книг и мимо портрета страстотерпца Николая II, канонизированного русским патриархом в 2000 году. Наш разномастный четырехглавый легион взглядом салютовал царю и приблизился к входной двери.

Как объяснила нам Леночка, рядом со стеклянной входной дверью располагалась другая — деревянная, которая должна была вывести нас к основанию главного здания церкви. Похоже, ей не хотелось, чтобы мы проходили через главное здание. Не знаю причины. Возможно, это было связано с тем, что мы не христиане, или с тем, что мы шли туда не за молитвой, а может, таким образом мы просто сократили себе путь. В общем, не знаю почему.

Фарманара тяжело дышал. Леночка прошла первой. Режиссер, растягивая рот в своей характерной улыбке, почти приближавшей уголки его губ к зеленым глазам, учтиво произнес:

— Только после вас.

Не в силах противостоять его обаянию, мы молча прошли вслед за Леночкой, а Фарманара последовал за нами. Лампа не горела, и Леночка стала освещать дорогу своим смартфоном. Мы спускались по узким кирпичным ступенькам, следуя за русской святой, выступавшей в роли нашей путеводной звезды, пока не достигли цокольного этажа. Здесь горел свет. Винные боч-

ки стройными рядами стояли вдоль стен. Мы с Фарзаном уже не обращали внимания на Леночкины ноги; теперь мы пялились на винные бочонки. Они могли упоить наши мучимые жаждой души на недели, а то и на месяцы вперед.

Фарманара с небольшой задержкой нагнал нас в самом низу лестницы. Из-за своего высокого роста ему пришлось проделать весь этот путь, согнувшись в три погибели. Леночка напугала нас, крикнув:

— Идите сюда, я налью вам вина в большом зале.

Мы прошли вдоль винных бочек к деревянной двери. Фарманара спросил не без доли иронии:

— Мадам, вы заставили нас пройти весь этот лабиринт, вы хотя бы найдете дорогу назад?

— Да, — ответила Леночка и открыла дверь ключом, висевшим на ее шее. Она первой вошла в зал, включила лампы и сказала:

— Здесь есть кондиционер, сейчас я его включу. Пожалуйста, господа, проходите.

Мы прошли в зал. Внутри было необычно. В отличие от остальной части подвала, стены были не кирпичные, а белые и оштукатуренные. Со сводчатого потолка, перекрытия которого были выполнены в византийском стиле, свисала люстра богемского стекла. Прямо под люстрой находился круглый деревянный стол, покрытый толстотканым иранским ковриком, коричнево-карминным *термехом*¹. Стол окружало шесть высоких и прямых деревянных стульев, такого же жжено-коричневого окраса. Блюдо с фруктами, пустая бутылка из-под вина, также богемского стекла, с хрустальным колпачком, и несколько перевернутых сверкающих стаканчиков возвышались

¹ Термех (*иран.*) — иранская ткань ручной работы; кашемир.

на столе. В углу, на высоком деревянном столике, также покрытом термехом, помещался большой бронзовый самовар. В другом углу стояла консоль с массивным бронзовым крестом. Все элементы декора и общее убранство этого просторного зала дышало стариной. Это вполне соответствовало образу типично русского аристократического дизайна интерьера конца девятнадцатого века — по крайней мере, как я его себе представлял. Если бы не один бросающийся в глаза элемент, явно контрастирующий с остальной обстановкой.

На фронтальной стене висела большая картина в деревянной раме. Довольно странная картина. Охотник, одетый в традиционные охотничью куртку и шляпу, целился из двустволки в некие летающие объекты. И это были отнюдь не утки или другие какие птицы, а эскадрилья винтовых самолетов времен Второй мировой войны. Хотя относительно охотника они были размером именно с утку. Их застали недалеко от озера, и теперь они пытались улететь, чтобы выжить. Мы втроем изумленно разглядывали картину.

— Какая ночь! Отличная была идея прийти сюда, — сказал Фарманара.

Фарзам, со времени дискуссии с Шади Бадр пребывавший в созерцательной фазе, заметил:

— Что за иллюзия... Прямо улетаешь, глядя на эту картину.

Леночка выдвинула стулья, взяла со стола пустую бутылку и сказала:

— Присаживайтесь, пожалуйста, я налью для вас вина и вернусь.

Фарзам, чья творческая мысль, наконец, заработала, задал мне вопрос, совершенно не связанный с обстановкой, в которой мы находились. Он спросил:

— Почему русские называют Горжестан¹ Грузией, а по-английски так вообще Джорджия?

Я не знал почему. Фарманара отозвался:

— Все это не грузинские названия, и их происхождение — это отдельная тема для обсуждения. Некоторые считают, что название происходит от слова «горг», волк на фарси, потому что древние персы называли здешние места Землей Волков. Иные видят связь с именем Святого Георгия. Сами же грузины называют свою землю Сакартвело, но почему-то другие нации игнорируют настоящее название...

Фарзам, сам задавший этот вопрос, теперь явно за-сучал, так как терпеть не мог пространных ответов.

Тем временем вернулась Леночка. С полной бутылкой вина и мужчиной, шедшим позади. Это был относительно молодой человек, со скуластым лицом, коротко постриженными светлыми волосами, зачесанными набок, и узкой полоской светлых усиков.

Ни одна из этих деталей его образа не должна была бы вызвать удивление в наших глазах, даже в пьяных глазах Фарзама. И все же молодой человек, маячивший за Леночкиной спиной, казался сумасшедшим. Он был одет в старомодный белый парадный мундир, с медалями на груди, в синие кавалерийские брюки и высокие черные сапоги. В руках он держал скрипку и смычок. Леночка кокетливо указала на мужчину:

— Полковник Илья Филиппович Афанасьев, военно-воздушные силы.

Мы по очереди пожали полковнику руку. Фарманара сказал Леночке с натянутой улыбкой:

¹ Gorjestan — транслитерация иранского произношения.

— Вы отнимаете мой хлеб, Леночка, кино должен создавать я, а не вы.

Я спросил:

— Это что, маскарадный костюм? — на что полковник ответил на чистом персидском:

— Нет, нет, никакого маскарада, я только что вернулся с дружеской встречи.

— Что же в этом такого? — вмешалась Леночка. — Если ты актер театра, или, как сказал Амир, пришел с маскарада, или служишь в военном флоте. В чем проблема?

Речь вышла, несомненно, очень убедительной. Вероятно, они оба были душевнобольными: и Леночка, и этот так называемый полковник, а может, они просто смеялись над нами, наслаждаясь нашей глупостью. Но стаканы с вином, поданные Леночкой, сгладили этот момент и предотвратили дальнейшие расспросы. Фарманара шутливо выкрикнул, в духе старых армейских традиций:

— Au regiment!¹

Афанасьев довольно заметил:

— По вашей одежде я сразу понял, что вы буржуа. За Красную армию и за Иран, ха-ха.

Каждый выпил свое вино, мы с Фарзам все еще были несколько ошеломлены, а Фарманара, казалось, совсем свыкся с ситуацией. Илья Филиппович повелительным тоном сказал Леночке:

— Лена, налей еще, сегодня мы не будем пить, как буржуа, сегодня мы пьем, как цыгане, ха-ха.

Леночка вновь наполнила наши бокалы, мы залпом их осушили, она снова их наполнила, и мы опять их мгновенно осушили.

¹ «За армию» (*фр.*).

Леночка сказала, что должна оставить нас, чтобы вновь наполнить бутылку. Илья Филиппович начал настраивать свою скрипку.

Я спросил его:

— Чем вы занимаетесь, господин Афанасьев?

— Как видите, я настраиваю свою скрипку, — ответил он.

— Нет, я имел в виду не сейчас, а...

Он прервал меня:

— Я играю на музыкальных инструментах: пианино, скрипка, гитара. Я пою, рисую... Посмотрите туда! Эта картина на стене написана мной. Я читаю книги, я изучаю языки, я пью, встречаюсь с новоприбывшими, в особенности, с женщинами — ну, вы понимаете, о чем я, ха-ха — в общем, прожигаю жизнь.

— Нет-нет, — сказал я. — Я имел в виду вашу работу, ну, профессию, кто вы по профессии? Вы пилотируете Туполев Суперджет? Если так, то, должно быть, это очень опасная и рискованная деятельность, не правда ли?

— Я был пилотом, но только на военных самолетах, сейчас уже нет. Моя новая работа заключается в ностальгии, профессиональной ностальгии, я тоскую на профессиональном уровне, — ответил Афанасьев.

Фарманара игриво заметил:

— Ничего себе, какой поэтичный настрой. Видно, дела в Иране идут хорошо, господин полковник, если вся ваша работа заключается в ностальгии.

Афанасьев отреагировал мгновенно:

— Отнюдь, дела в Иране не столь хороши. Наш друг спросил о моей работе, моей профессии, и я ответил, я — тоскую, ностальгирую на полную ставку, мне

платят за ностальгию и засчитывают пенсионный стаж, я высококлассный специалист в области скучания по дому и тоскования по Родине; завершив авиационную карьеру, я прошел интенсивную подготовку, чтобы стать ностальгантом, это и есть моя теперешняя работа, и я уже рассказал вам, как провожу свободное время, и за сим, господа, сообщаю вам, что я отнюдь не заинтересован в определении вашей профессиональной деятельности, и мы не в Гестапо, чтобы устраивать здесь допросы.

Улыбка Фарманары застыла, мы с Фарзамом, потрясенные, молчали. Но, как бы то ни было, находиться рядом с одним или даже двумя маньяками в подвале было приятнее, чем оставаться наверху и слушать речь королевы радикализма Шади Бадр. Леночка вернулась с полной бутылкой и, вновь наполнив наши бокалы, спросила Илью Филипповича, на этот раз по-русски:

— Илья Филиппович, что вы нам сыграете?

— «Две гитары» и еще парочку, — ответил полковник Афанасьев, — а вы нам станцуете.

Леночка кокетливо и с притворной скромностью ответила:

— О, нет-нет, мне неловко перед господином Фарманарой, да и с обоими Амирами я вижу впервые.

Есть такие моменты в нашей жизни, которые совершенно неожиданно, незапланированно входят в наше сознание. Это нечто такое, что может изменить целый день или предстоящую ночь. Порой это день или ночь, которые могут изменить даже всю жизнь в целом. Откликнуться на эту спонтанную вспышку в сознании в такой переломный момент можно по-разному. Большинство из нас просто сдерживают ее, запирают внутри, но некоторые осмеливаются выразить ее в тот волшебный

момент. Пока Леночка была занята тем, что изображала скромность и кокетничала с Афанасьевым, я обратился к нему напрямую:

— Господин полковник, могу я кое-что предложить?

Полковник воздушных сил (или сумасшедший, который думал, что он полковник), ответил:

— Конечно, но только если ваше предложение добавит удовольствий нашему вечеру.

Я был доволен его реакцией, и, пока Фарманара и Фарзам с удивлением смотрели на меня, сказал:

— Мое предложение как раз об этом: чтобы добавить немного перчинки к нашей ночи, я хотел попросить госпожу Леночку подняться наверх и пригласить ту изумительную украинскую балерину... — Фарзам, прочитавший ее имя на экране и хорошо его запомнивший, подсказал мне: «Таню Степанко», и я продолжил: — Да, Таню Степанко, пусть госпожа Леночка пригласит ее присоединиться к нам.

Глаза Ильи Филипповича заблестели, и он радостно ответил:

— Да, Леночка, пожалуйста, поднимитесь и попросите ту молоденькую балерину присоединиться к нам, и, конечно, обрисуйте ей обстановку.

— Илья Филиппович, — перебила его Леночка, — я не могу, просто я не настолько хорошо ее знаю. Кроме того, она с Западной Украины, и когда я говорю с ней по-русски, она с большой неохотой отвечает мне, к тому же она очень надменная и...

Полковник Афанасьев, не дав ей закончить, чеканя каждое слово, сказал:

— Леночка, выпейте этот бокал вина вместе с нами, а потом поднимитесь и пригласите госпожу Степанко присоединиться к нам. Спасибо.

Он налил Леночке вина. Та выпила его, как цыганка, с гневом взирая на меня и Фарзама. Тяжелый взгляд. Направившись к деревянной двери, она сказала:

— У Тани Степанко есть жених. Возможно, ей будет некомфортно находиться в подвале с тремя мужчинами.

— Она будет не единственной прелестной дамой в нашей компании, — ответил Афанасьев, — вас станет двое, так что она не будет чувствовать себя одиноко.

Уже выходя из комнаты, Леночка повернулась с таким радостным видом, какой бывает разве что у маленького ребенка, только что получившего новогодний подарок.

Когда Леночка покинула комнату, Фарманара и Афанасьев завели беседу. О Тегеране. Они сошлись на том, что в городе осталось еще несколько привлекательных местечек. Старые кафешки для местной богемы. Они все еще существуют, однако новое поколение их уже забыло. Последние двадцать лет для большинства жителей Тегеран означает лишь его северную часть, и это значит, что многие места хотя и существуют в действительности, но в сознании людей давно отсутствуют. Афанасьев сказал, что он до сих пор любит гулять около Санаи и Каим-Макам и ему очень жаль, что многие книжные магазины на улице Карим-Хан закрылись. Он назвал античные магазины Манучехри фундаментом памяти Тегерана.

Фарманара высказал интересную мысль: чтобы выжить в таком поляризованном городе, жители Тегерана овладели характерными навыками. Способность фильтровать все нежелательное. В действительности мы не видим того, чего мы не хотим видеть, даже если смотрим на это. Например, те прогрессивные, или так называемые прозападные (как их называют верую-

щие), люди не принимают в расчет верующих. Даже если они соседи. Для религиозной части общества нерелигиозной его части также не существует. Эти два полюса начинают осознавать друг друга только при определенных обстоятельствах, которые зачастую вызывают не самые приятные чувства. Мы часто замечаем религиозную часть общества и начинаем взаимодействовать с ней в контрольных пунктах, где полиция нравов останавливает нас за распитие алкоголя или за прещенную законом одежду. Религиозный сосед также заметит нерелигиозных соседей, только если его потревожат крики и визги с подростковой вечеринки из их дома. Фарманара был уверен, что то же самое применимо и к мысленному образу Ирана в целом. К примеру, иранские эмигранты в Лос-Анджелесе создают какое-то представление об Иране среди своих американских друзей или коллег. В таком случае, чаще всего картинка складывается из конкретного набора фотографий и воспоминаний, ситуативная информация будет также привязана к данному конкретному субъекту, делящемуся своим личным опытом. Иран, представленный таким образом, это прелестная девушка в бикини, с бокалом вина в одной руке и длинной сигаретой — в другой, принимающая солнечные ванны и рассуждающая о цилиндре Кира¹.

¹ Цилиндр Кира — глиняный цилиндр, на котором Кир Великий (персидский царь, правил в 559–530 годах до н.э.) повелел выбить клинописью список своих побед и милостивых поступков, а также перечисление предков. Цилиндр получил широкую известность после того, как последний шах Ирана в 1960-е годы провозгласил нанесенный на него текст первой в истории декларацией прав человека: Кир высказывался за отмену рабства и свободу вероисповедания.

Образ Ирана, данный религиозным человеком, будет так же искажен, как и образ сексуальной девушки в бикини.

Фарманара полагал, что, вероятно, именно это неприятие объективного образа реальности нашим сознанием и является одной из основных причин, по которой демократия никак не может укорениться в Иране. И как же истово мы верим в придуманные нами же самими образы. Он сказал, что в таком случае нисколько не удивительно, что при расхождении реальности и картинки в нашем сознании, мы спешим осудить за это противоречие некоего стороннего врага. Когда леди в бикини заставляют носить хиджаб, мы обвиняем Джимми Картера и весь западный мир в том, что мы называем государственным переворотом 1979 года, который устроили, чтобы остановить наше развитие.

Аналогичным образом, когда верующий иранец противостоит девушке, которая совсем не носит хиджаб, он обвиняет запад, и Америку в первую очередь, за культурное вторжение, оборачивающее иранцев на борьбу против славной Иранской революции 1979 года. Так реальность сама по себе, в данном случае, революция 1979 года и девушка на улице, отказывающаяся носить хиджаб, приносятся в жертву и игнорируются в пользу того образа, который хранится в нашем сознании.

Афанасьев жил совершенно в другом мире. Он был уверен, что империализм под предводительством Америки пытается ввести вирус потребительства и ограниченности в кровь таких обществ, как Иран. Примеры потребительского общества и западной культуры должны быть мишенью, и мы должны создавать реальность, опираясь на идеологию. Мне казалось, что Фарманара и Афанасьев принадлежали к двум разным эрам. Фарманара

сказал Афанасьеву, что, естественно, иранцу никогда не стать западным человеком, к примеру, американцем, потому что корни нашей культуры изначально другого типа, и тот, кто думает, что может превратиться в американца или европейца, подобен тому, кто строит дом на воде. Но в то же время он был уверен, что в случае призыва, даже скрытого, к вестернизации применение силы и принуждение людей отказаться от западных ценностей лишь способствует их распространению.

Фарманара считал, что нам следует избегать расчленения аксиом и общих вопросов на провосточные и прозападные, что это критическая ошибка, совершаемая идеологами и идеалистами.

Афанасьев, покраснев, сказал:

— Сэр, почему вы не понимаете, что мы должны сопротивляться тем, кто хочет поработить нас?

С истерической улыбкой Фарманара ответил:

— Вы знаете, сэр, в этой стране нас уже до смерти заучили.

К счастью, в самый нужный момент их прервал Фарзам:

— Господа, алкоголь уже не действует.

Полковник Афанасьев, будто услышав приказ своего начальника, немедленно ответил:

— Да, сэр, будет сделано! — и наполнил бокалы.

Я как раз собирался спросить Фарзама, нет ли у него сигарет, как пришли Леночка и Татьяна Степанко, давешняя балерина. Из нас четверых только Фарманара улыбнулся фальшиво. Улыбки остальных исходили из сердца и еще из одного места. Это были улыбки коварных персонажей из японских аниме. Поднимаясь со своего места, Афанасьев хлопнул по столу и громко поздоровался с Татьяной по-русски:

— Полковник Афанасьев, приятно познакомиться.

Фарзам кивнул головой так, будто всю свою жизнь был настоящим аристократом. А я, как третий участник желающего произвести на нее впечатление триумvirата, добавил:

— Мы имеем честь познакомиться с госпожой Степанко с верхнего этажа. И этой честью мы обязаны водке.

Не успела Таня ответить, как Леночка, подражая Афанасьеву, стукнула по столу и сказала:

— Наша любимая Таня спокойно говорит на фарси, нет необходимости общаться по-русски. Мистер Фарманара начнет скучать. Кстати, наверху был небольшой хаос, я слышала, что какой-то господин забрался на стену церкви снаружи и кричал: «Долой Россию!», но никто не заметил его, кроме консьержа, который и рассказал мне об этом. Таня утверждает, что знает его лично.

Леночка продолжала:

— Консьерж поинтересовался у него, зачем он это делает и почему ненавидит Россию, а тот, кажется, признался, что причина в том, что на вечеринку пригласили его коллегу, а его самого — нет. А потом он сказал, что еще не поздно пригласить его выступить с речью, в качестве главного иранского художника-мультипликатора, и тогда он наденет российский флаг на плечи и войдет в здание, но только через главный вход, а не через тот, где стоит. Мультипликатор сказал, что если они откажутся предоставить ему слово, то он немедленно сожжет российский флаг. Консьерж пытался объяснить ему, что он всего лишь консьерж и не в праве приглашать кого бы то ни было, но даже если бы он мог, то не стал бы этого делать, потому как уже поздно. Сумасшедший художник разделся и вылил на одежду бензин, а потом попытался сжечь ее вместе с флагом, но, как сказал консьерж, под-

жечь флаг не удалось, тот упал к подножию церкви, а помещанный художник загорелся вместе с одеждой и вынужден был сам спрыгнуть вниз. Консьерж немедленно бросился к нему с огнетушителем, спас беднягу и вызвал скорую помощь.

Афанасьев очень занимательно прокомментировал этот случай:

— Ну что ж, таким образом, он заявил о своем существовании консьержу и бригаде скорой помощи, благодаря чему Леночка, да и мы тоже о нем узнали, ведь среди нас всех лишь Таня Степанко знакома с ним лично.

Таня подтвердила, что знает художника, но в этот раз она сказала, что знает его через друзей из Германии, от которых о нем и слышала. Видимо, она забыла, что изначально говорила о личном знакомстве с ним. Она объяснила, что у нее есть иранский друг, который живет в Лейпциге. Его зовут Шахрам Тикеш. Он возглавляет оппозиционную партию под названием «Иранские трудящиеся Лейпцига». Они выступают против иранского режима. Таня сказала, что товарищ Шахрам всегда рассказывал ей об этом художнике. Он также утверждал, что иранский писатель Ибрагим Набави и этот художник, как Маяковский и Есенин, всегда затевают интеллектуальные споры. Мы знали Набави, но никогда не слышали о сумасбродном художнике.

Тем временем Фарзам начал что-то искать в своем смартфоне. У меня смартфона не было. Я всегда боялся новых зависимостей. Все что угодно, за исключением женщин, может сделать зависимым. Он положил телефон передо мной, не привлекая внимания других. Википедия сообщала: Партия «Иранские трудящиеся Лейпцига» состояла из трех человек. Основателем и представителем партии был Фетхуллах Манучехри, под псевдонимом

Шахрам Тай Кеш («тай кеш» на фарси означает того, кто участвует в уличной поножовщине). Шахрам Тай Кеш (или, как произносила Таня, Тикеш) разыскивался иранской полицией за хулиганство и учинение беспорядков, и, так как ему грозила смертная казнь в Иране, немцы предоставили ему убежище в своей стране. С того времени он начал политическую деятельность как оппозиционер, и ему даже удалось расширить свою деятельность, после того как он смог получить стипендии от некоторых европейских организаций, связанных с продвижением демократизации. Он опубликовал множество статей на иранском оппозиционном сайте, под названием «Перо». Себя он считал неолиберальным сталинистом! Когда я дошел до этих слов, я еле сдержался, чтобы не разломать смартфон, но успокоился и продолжил читать. Он был арестован немецкой полицией за сутенерство, кражи у работающих на него проституток и неуплату налогов. После суда его посадили в тюрьму. На поверку Шахрам Тикеш, неолиберальный сталинист, оказался всего лишь сутенером и хулиганом, который теперь решил обдурить европейские институты демократизации.

Казалось, Фарманара догадался, что мы нашли что-то интересное о том, что рассказывала Таня, это было видно по усмешке на его лице.

Мне всегда нравились умные женщины, но Таня была одной из тех, с кем мне просто хотелось потанцевать. Ее точеное, совершенное тело взывало к жизни философский парадокс в сознании таких людей, как я. К примеру, я думал: что лучше — знание или богатство? В моем сознании это проявлялось особенно ярко, так как я недавно начал впутывать нечувственные факторы в чувственные дела. Духовные, интеллектуальные или, возможно, псевдоинтеллектуальные факторы, которые оскорбляли чувственное наслаждение.

Оторвавшись от тех людей, что сидели вокруг стола, и уйдя в свои философские рассуждения, уставившись на грудь Тани Степанко, я вдруг внезапно осознал, что Леночка стоит рядом и наполняет мой бокал, шепча при этом:

— Как говорит Вуди Аллен, твой кумир: секс без любви — напрасный опыт, но в качестве напрасного этот опыт один из лучших.

Затем она кокетливо улыбнулась.

Эта фраза Вуди Аллена, сказанная в момент моих философских терзаний, навела меня на мысль, а может, Леночка и вправду святая, которая вдобавок умеет читать мысли других людей. Но в данный момент, к несчастью, ее кокетливая улыбочка только усугубила мои философские сомнения, поставив перед новым нелегким выбором — Таня или Леночка.

Таня как раз рассуждала о позитивном сознании и юге¹, когда полковник Афанасьев перебил ее, окликнув командным голосом Леночку и указав на скрипку, которая лежала рядом с бронзовым крестом на консоли позади нее.

Направившись к скрипке, Леночка ядовито сказала Тане:

— Может, ты сможешь немного? Не могла бы ты наполнить бутылку? Я думаю, ты должна помнить, где это делала.

Таня была из тех, кого голыми руками не возьмешь, она взяла реванш всего лишь одним движением, выпрямившись и оправив юбку, чем привлекла внимание всех мужчин, за исключением Бахмана Фарманары.

¹ Юга — в космологии индуизма — мировой век.

Леночка, несколько нервно, передала скрипку и смычок полковнику, и тот начал настраивать инструмент. Фарзам вновь принялся разглядывать загадочную картину, Фарманара молчал, а я начал постукивать по бокалу, издавая легкий звон, похожий на звон колокольчика, и тереть его сверху, чтобы получился звук определенной высоты, и надо сказать, бокал справился со своей задачей на отлично. Да, великолепный богемский бокал в пору той богемной жизни, которую я и Фарзам вели в последнее время.

Таня возвратилась. Мы с Фарзамом отвернулись от бокалов и картины и стали пристально смотреть на «центр тяжести» того шедевра, который не смог бы создать даже Микеланджело, — Танину попку.

И она явно доказывала, что разумный создатель существует.

Фарманара напрочь отказался еще от одного бокала, напомнив мне известный агитплакат, на котором молодой человек спортивного вида отодвигал рукой рюмку, а на самом плакате было написано «Нет».

Так как Фарзам собирался отвезти нас обратно домой, он, само собой, мог пить и дальше. В те дни пьяное вождение было основным развлечением иранцев. По последним данным, объявленным шефом иранской полиции, тридцать три процента тестов на алкоголь оказывались положительными. Одному Богу известно, какой процент людей из оставшихся шестидесяти семи принимал другие запрещенные препараты.

Скрипка полковника, наконец, была готова. Он подмигнул Леночке и сказал по-русски:

— Гори, гори, моя звезда.

Фарзам шепнул мне на ухо:

— Придурок. Почему я должен стоять здесь и слушать русскую песню?

Методом кнута и пряника я убедил его остаться, ответив на ухо:

— Идиот, ты действительно хочешь наверх к Шади или все-таки предпочтешь остаться с Таней?

Илья Филиппович начал играть, и тогда русская святая запела «Гори, гори, моя звезда...». Кем бы ни была Леночка, но вокал у нее был сильный. Когда она запела, я наконец понял, что значит «божественный голос».

Мы все были очарованы ее пением. Никто больше не обращал внимания на Таню Степанко. Наши взгляды отлипли от Таниной фигуры, чтобы приковаться к поющим Леночкиным губам. Даже полиция нравов не сделала бы это эффективнее, чем Леночкин голос. Я, Фарзам и мастер иранского кино сидели вокруг стола в таинственном подвале русской церкви в Тегеране. Полковник Красной армии, который будто на машине времени перенесся сюда из далекого прошлого, играл на скрипке, а настоящая русская святая, возродившаяся в Тегеране, пела для нас русский романс. Даже Фарзам, не понимавший по-русски, да и вообще не любивший пения, наслаждался не меньше нас. Вдобавок украинская балерина, продавшая великолепие своего искусства иранскому поп-певцу, сидела на середине стола, сцепив руки на согнутых коленях.

Первая песня закончилась, и Афанасьев сразу же начал играть следующую, перебирая короткими пальцами струны и постукивая ногой по полу. Затем он подмигнул Тане. Таня встала на стол и начала стучать по нему ногами в такт скрипки Афанасьева.

В душе полковника Афанасьева проснулся цыган, а Таня Степанко, наверное, решила отплатить за все те моменты этого вечера, когда в центре внимания была не

она. И у нее это здорово получилось! Она задрала свое узкое, короткое платье, которое надела после выступления с Шахаром, и начала босиком танцевать прямо на столе.

Танины танцы поглотили все наше внимание, и ее присутствие здесь было сейчас для нас самым важным. Каждым своим притопом на столе она как бы подтверждала свое существование. Через каждые четыре-пять притопов, когда она делала мах ногой, как танцовщицы Мулен-Руж, я видел ее белье. Темно-синее, с блестящими серебряными звездочками. Вульгарно, но очаровательно. Мое внимание привлек синяк на ее правой лодыжке, так что каждый второй раз, когда она поднимала ногу, я смотрел на этот синяк и думал, что, по стечению обстоятельств, синяк и темно-синее белье удивительно сочетаются друг с другом. Вскоре я заметил, что Леночка подошла к Фарманаре и пригласила его на танец. Ни я, ни Фарзам совершенно не хотели танцевать, так как нам пришлось бы покинуть насиженные места, но, как бы там ни было, нас даже не пригласили. Фарзам прошептал мне на ухо:

— Не очень мне нравится эта Леночка. Люди, считающие себя ангелами, всегда меня пугали.

Я ответил, что она считает себя святой, а не ангелом, а это разные вещи.

Музыка сменилась. Я не знал звучащей песни, но это было последнее, что меня волновало в тот момент. Играла какая-то быстрая цыганская мелодия. Великолепная, на мой взгляд. Таня прыгнула со стола и взяла нас за руки. Вот теперь уже не было причин сидеть и не танцевать: она ведь больше не танцевала на столе. Во время игры на скрипке Афанасьев приплясывал. Я и не заметил, когда он скинул свой пиджак. Теперь на нем была лишь белая майка. Он громко кричал: «Хей!», —

и мы, как заправские цыгане, тоже кричали: «Хей, хей!». Леночка с Таней тоже кричали, а Фарманара явно давал понять, что фильмы — не единственный его конек. Мы танцевали вокруг стола. Мы будто превратились в цыган. С последним глотком спиртного прошлое и будущее исчезло, осталось лишь настоящее. Мы плавали в море настоящего, мы были свободны. Жаль, что это не могло длиться вечно, но, как сказал Господь, удовольствия мира мимолетны, — и песня с танцами закончилась. Цыган внутри Афанасьева исчез, он положил скрипку на стол и надел пиджак.

Фарманара тяжело дышал, Фарзам и Таня чуть ли не приклеились друг к другу и, казалось, были довольны таким положением дел. Леночка направилась к Афанасьеву. Афанасьев пожал руки мужчинам и расцеловал Леночку и Таню. Он сказал, что очень устал и, несмотря на то, что он очень хотел бы сыграть для нас одну иранскую песню, песню его друга, он не сможет сделать этого из-за усталости, к тому же у него не было с собой гитары. Я захотел узнать подробнее о его друге и этой песне. Он ответил:

— «Prison of the heart» Ферейдуна Форуги.

Ферейдун Форуги был известным иранским музыкантом, покинувшим этот мир много лет назад. И эта песня была моей любимой. Услышав это от Афанасьева, мы с Фарзамом удивленно посмотрели друг на друга. Стало ясно, что пора было уходить. И чем скорее, тем лучше...

Афанасьев попрощался и вышел из комнаты. Фарманара сказал, что тоже устал и собирается уходить. Таня прикипела к Фарзаму, как лишайник к дереву. Я понял, что вечер проведу в одиночестве, что, собственно, не было проблемой, главной проблемой было добраться до дома самостоятельно. Пришлось вызывать такси.

Леночка тоже собралась выходить с Фарманарой, чтобы помочь выгнать автомобиль со стоянки, так как там было нагорожено много машин. Фарманара сказал, что если мы собираемся уходить, то лучше пойти вместе с ними, потому что Леночка хорошо знает непростой путь наверх. Таня начала ворчать, что она знает путь не хуже и ей не нужно Леночкино руководство. Леночка, в свою очередь, ответила:

— О, мистер Фарманара прав, мне еще нужно запереть двери, так что будет лучше, если мы пойдем все вместе.

Затем, отдав мне несколько бокалов, чтобы я захватил их собой на кухню, Леночка сказала:

— Ты не поверил, что я святая, так пожелай что-нибудь сейчас.

— Да, я не верю, — ответил я, не раздумывая. — Но хорошо: если вы можете, поверните время вспять и перенесите нас в те часы, когда нам было по восемнадцать, а Али Бешарат еще был с нами.

Али Бешарат был нашим лучшим другом со старших классов, а дни, проведенные с ним, были прекраснейшими в моей жизни. Он первым из нас смог убежать от тиранического правления Ахмадинежада, уехав в США в качестве иностранного студента. США были похожи на большую тюрьму для иранских студентов. С одноразовой въездной визой можно было въехать только единожды, так что студенты предпочитали запереться там до конца обучения. Можно себе представить, что для аспирантов режим был еще строже.

— Нет, это слишком, — сказала Леночка, — я только недавно стала святой, у меня еще нет такой силы, пожелай что-нибудь простое на вечер.

Фарзам и Таня начали шептаться и ворчать, смешивая фарси и украинский. Я подумал, что за ненормальная эта Леночка. Я не знал, что ответить. И сказал только:

— Ладно, раз мы идем наверх, хочу, чтобы Шади уже ушла и Юберменш больше не пел, а если они все еще там, то пусть не действуют нам на нервы, а по дороге домой пусть нам не встретится басидж¹.

— Это я могу устроить, — обрадовалась Леночка, — и у меня есть для тебя сюрприз.

Мы вышли из подвала, поднялись по ступенькам и снова оказались над землей. К сожалению, земная поверхность в эти дни могла предложить меньше, чем подполье. Слышен был звук барабана. Наверное, люди танцевали. Это не могла быть живая музыка, так как Юберменш уже закончил свое выступление еще до речи Шади. Мы открыли дверь, и — о Господи! — я не мог поверить увиденному, Фарманара задержал дыхание, Леночка ухмыльнулась, Таня казалась рассерженной, а Фарзам после большого количества выпитого удивленно таращил глаза. Юберменш пел:

— «Я влюбился в тебя, крошка. Ты как хрустящий фруктик, крошка. Я постоянно твержу, что люблю тебя, а ты все время прогоняешь меня. Ну, иди же ко мне, моя горячая пухляшка, и позволь тебя крепко обнять».

Это пел Юберменш. Строчки из песни известного иранского дуэта Энди и Куруш. Если честно, он исполнял эту песню хорошо, хотя и не дотягивал до оригинала, но больше всего нас удивила даже не сама песня.

¹ Басидж — иранская полувоенная милиция из добровольцев, основанная аятоллой Хомейни в ноябре 1979 года. Басидж имеет право останавливать автомобили, чтобы проверить водителя на алкоголь, или арестовывать людей, имеющих свободные сексуальные отношения.

Шади Бадр, иранская экстремистская феминистка, теоретик неорадикализма, танцевала, тряся попой и бюстом, на сцене рядом с Юерменшем, перед десятками зрителей, очень вульгарным образом, настолько же вульгарным, насколько была сама песня.

И Шади, и Юберменш в тот момент были именно «самими собой». И то, какими они были в действительности, выглядело гораздо более очаровательным, чем когда они пытались изобразить из себя кого-то другого.

Один из русских гостей рассказал Тане, что два часа назад здесь начали происходить странные вещи. Юберменш встал перед всеми на колени и сделал предложение Шади, и с тех пор здесь все веселятся и танцуют.

Все выглядели счастливыми, даже Таня, хотя некоторое сомнение на ее лице все-таки оставалось. Фарманара попрощался и ушел. Леночка проводила его до пропускного пункта. Мы остались и начали танцевать. Юберменш играл старые персидские танцевальные песни. Песни, которые я любил с детства. Русские и грузины тоже наслаждались необычными иранскими танцами. Когда Леночка вернулась, мы станцевали вместе. Я и русская святая танцевали под мою любимую старую песню. Я не знал, вправду ли она святая, но мне хотелось верить, что так оно и было.

Я попрощался с Фарзамом и Таней, а потом и с русской святой, и собрался идти домой в одиночестве. Я решил не вызывать такси прямо к церкви, а немного пройтись.

Я хотел дойти до офиса такси на улице Бахар, где, как мне было известно, находилась одна такая контора. Это были улицы, на которых я вырос. Здесь прошли мои

детские и подростковые годы. На этих улицах я влюблялся. Живя по одному адресу, любил местных девчонок, а переезжая по другому адресу, менял и любовь.

Я прошел мимо дома Алины. Помню, я купил «Золотые баллады» «Скорпионс» на черном рынке и принес ей. Я не мог подняться к ней наверх: они были армянами. Армяне в Иране вели себя очень рьяно и фанатично, когда это касалось их отношений с нехристианами. Не лучше фанатичных мусульман. Если бы я поднялся наверх, а они узнали об этом, то для меня это было бы чревато последствиями. Безусловно, жизнь была для меня дороже любви к Алине, так что я просто забросил кассету на второй этаж, где стояла девочка. Это все, что мне запомнилось о ней: как она стояла на балконе второго этажа. Ее глаза светятся от счастья, но на лице страх. Почему так выходит, что целые куски жизни сжимаются в нашем сознании до небольших картинок?..

Я прошел мимо дома Мариам. Она мне нравилась. Почему я никогда не говорил ей об этом? Я добрался до площади Хафте-тир, где стоит мечеть Аль-Джавад. Большое уродливое подобие архитектуры. Строение без лица и души. Мечеть была построена во времена шаха, в семидесятых. Почему они не строят мечети в волшебном, красивом ирано-исламском стиле? Когда я был ребенком, то боялся этих зданий, и позднее, когда подрос, понял причину этого страха: все дело в уродливости и полной архитектурной никчемности. Стоит ли удивляться, что с тех пор я не мог испытывать к мечети никаких других чувств?

Я включил телефон, чтобы проверить время. Было 3:30 утра. Буквально пять минут назад Фарзам оставил мне голосовое сообщение: «Она дешевка и фальшивка.

Я подумал, что если она зайдет ко мне, то вначале будет трепаться битый час, чего я не вынесу. Так что я решил выкинуть это из головы и отправил ее одну, а сам пошел домой драть. А ты, осел, опять выключил свой гребанный телефон. Я решил: если ты еще где-то здесь, то подброшу тебя до дома».

Я позвонил ему и заставил вернуться. Он почти уже успел доехать до дома, но вынужден был вернуться за мной. Он разворчался, но все-таки приехал. Мы даже забили послушать музыку в его машине. Он подвез меня до дома и уехал.

Я зашел домой, снял брюки и просто сел на диван. Я разбирал события этой ночи. Может, если бы я не пил, мне было бы труднее все это принять. Спать не хотелось. Я сделал себе чай и сел за компьютер. Проклятый иранский Интернет — в Иране мы называем его «фильтрнет»¹. Мне постоянно приходится пользоваться антифильтром, из-за чего все ужасно тормозит. Обычно я не трогал Ахмадинежада в 4:30 утра, довольно ранняя пора для «минутки оскорблений».

О Свято-Николаевском соборе в Тегеране было не так много доступной информации. Все, что я узнал о церкви, я уже слышал от друзей-грузин. Я нашел блог в ЖЖ, принадлежавший иранскому послу в Москве Резе Саджади. Посол действительно работал, что было необычно для иранцев. Он периодически обновлял свой блог на разные темы и пытался общаться в современной и цивилизованной манере с населением страны, в которую был отправлен послом. Я нашел его статью о Свято-

¹ Так как в Иране многие веб-сайты фильтруются, люди иронично называют Интернет фильтрнетом.

Николаевском соборе в Тегеране. Было в этом тексте что-то странное, что насторожило меня. Я взял телефон и позвонил Фарзаму:

— Здорово, приятель, все в порядке?

— Что? Что случилось? Ты, придурок, звонишь мне в... э-э... шесть утра, чтобы спросить, как у меня дела?

— Заткнись, Фарзам, послушай, я нашел тут кое-что о русской православной церкви, что меня охеренно удивило.

— Что именно?

— Афанасьев — ну, тот парень — действительно был полковником воздушных сил.

— Ну да. Именно это он и сказал.

— Да, но Афанасьев и шесть других членов экипажа военно-транспортного самолета погибли в аварии при посадке в аэропорту «Мехрабад» в Тегеране в 1944 году.

— Что ты имеешь в виду? Что мы видели не самого Афанасьева, а его призрак?

— Здесь написано, что он похоронен в той церкви.

— Так, хорошо, сейчас я иду спать, и мы поговорим о бродячем призраке Афанасьева позже, хорошо?

Я положил трубку, не попрощавшись. В Интернете не было фотографии Афанасьева. Я пристально вгляделся в снимок Свято-Николаевского собора, который открыл при помощи антифильтра. Мне нравилось это место. Я и раньше часто бывал там, чтобы повидаться с моими дорогими грузинскими друзьями. В следующий раз, отправившись туда, я бы повидался и с Афанасьевым. С человеком, чьей основной работой было вспоминать, а в свободное время — учить языки, читать книги, играть музыку и рисовать.

Я вышел из иранской интернет-тюрьмы и выключил компьютер. Лег на кровать. Я думал о русской православной церкви. Вспомнил, что забыл попрощаться с Тамилей. Я подумал о русской святой. Вспомнил великого Фарманару, который надел свою элегантную шляпу и — вышел из кадра.

Как бы мне хотелось увидеть во сне церковь...

Зима 2014

БЕССМЕРТИЕ РУССКОГО МАТЕРИАЛИСТА

Анастасия Николаевна!

Сейчас, когда я пишу Вам, от моей души остались только крупички, которые я хочу сохранить в этом письме. Саша Ребров, тюремный охранник, обещал передать его Вам. Когда получите это письмо, моим телом будут пировать сибирские черви. Сегодня утром будет казнь. В последние часы жизни я не думаю о смерти, а лишь о том, что будет после и о близости с Вами. Фрейд утверждал, что смерть и секс являются неотъемлемыми проблемами нашего подсознания. Сейчас же я могу Вам сказать, как приговоренный к казни человек, смерть не имеет такого значения. Скорее, я думаю о том, что будет по ту сторону. И я прекрасно понимаю, какие мысли проносятся у Вас сейчас в голове, читая это. Вы шепчете: «Как это возможно, что Петр Бурлаков думает о том, что будет после смерти? Ведь Петр безоговорочный материалист, неверующий в Бога и жизнь после смерти».

Настя! Моя Настенька! Дорогая! Я становлюсь ненасытным!

В последние минуты жизни я жажду только двух вещей: предаться любви с Вами и жить после смерти. Хочу оставить крохи уничтоженной допросами души на бумаге. Как бы я сейчас хотел насладиться Вами — так, чтобы в момент неистового блаженства отдать Вам всего себя и исчезнуть. Если бы только было возможно любить Вас сейчас, в данную минуту, то, скорее всего, аристократическая потребность в бессмертии не тревожила

бы меня боле. Эйфория после сладострастия способна отогнать все тревоги мужского разума, даже если речь идет о бессмертии. Ничто на свете, даже Советская власть, не способно сломать мужчину после блаженства с любимой женщиной. Но что же делать, когда разум взволнован, а душа приближается к концу. Единственная отдушина для меня — надежда на бессмертие. Как же сохранить бытие после кончины? Ах, и не думайте, что страх смерти обратил меня к религии и вере. Кстати, теперь-то я точно понимаю, как религия вводит людей в заблуждение, ведет к миражу вместо воды в пустыне. На протяжении веков она обманывала бедных людей, ищущих бессмертия.

Когда закончу письмо, я постараюсь представить Вас дома, в Вашей квартире на Смоленском бульваре. Вы были обнажены за фортепиано и не позволяли прикоснуться к Вам, пока не доиграете пьесу... И казалось, что пьеса длится вечность. Каждое нажатие клавиши только увеличивало желание. И я учился терпению и ждал. Сейчас у меня такое же чувство. Я с нетерпением ожидаю исполнения приговора, и каждая секунда — как нажатие клавиши. Дописав письмо, я в последний раз предамся сладостным воспоминаниям о нашей пылкой любви, как мы наслаждались друг другом после Вашей игры на фортепиано.

И желание мое велико, и аппетит ненасытен, так как этот клочок бумаги будет единственным, что останется после меня, а Вы прочтете его, когда я исчезну. Да! Что может быть прекрасней? И почему я не верил в чудеса? Какое еще чудо может быть более очевидным, чем это? Ведь письмо останется после меня. Письмо и будет бессмертием Петра Бурлакова, человека, который пытался изменить мир; Петра Бурлакова, боровшегося с капитализмом и аристократией в России; Петра Бурлакова, на-

правившего пистолет на российских аристократов вместо немецкого генерала; Петра Бурлакова, полного высокомерия до ссылки в Сибирь. Согласно особому распоряжению товарища Сталина, я предавал советских людей, о чем не ведал до допросов. Я полагал, что после Ленина революция пошла по ложному пути, в то время как меня самого ввели в заблуждение.

Спасибо товарищу Сталину за возможность понять, как сильно я был далек от истины. По иронии судьбы, тюремный охранник Саша Ребров сказал, что если я упомяну об этом в письме, для кого-то, возможно, это послужит предостережением. Высокомерие и эгоизм — начало заблуждения. Не ведая того, я фактически стал капиталистом. Ведь капитализм — это не только собственность и ценные бумаги. Я, Петр Бурлаков, бывший большевик, вложил весь революционный опыт и рассчитывал на продвижение по службе, дабы приумножить свой капитал. Я предал Сталина. Я предал Советский Союз и коммунистические идеалы. Предательство было порождением моих заблуждений. А заблуждения были результатом высокомерия.

Анастасия Николаевна!

Я заново родился в одиночной камере. В изоляции время не имеет смысла. Во-первых, речь идет об «ожидании», одиночная камера означает «ждать». Ожидаешь следователя, но он не появляется. Никто не приходит, и, наоборот, как Вы зачастую говорили, «время покажет», но в одиночной камере время ничего не показывает. Камера одиночного заключения — ярчайшее место на Земле, и этот свет мне опостылел, так как он всегда по ту сторону. Я больше всего люблю, когда они приносят еду. Не из-за голода, а потому что ты понимаешь, что

все еще существуешь, кому-то все еще есть до тебя дело, кто-то все еще рассчитывает на тебя по ту сторону, и я все еще числюсь живым.

Камера направляет тебя на путь, где единственным маршрутом может быть раскаяние. Вся жизнь проходит перед глазами, время уже не существует, а ожидание обречено. Ты вступаешь на путь самоуничужения. В камере я столкнулся с понятием «Судный день», о котором твердили святоши, когда мы были детьми. И действительно, Судный день — дело тяжкое. Прошлое пронесится перед глазами, и нет надежды на завтра, все существование сведено к нулю. Ты становишься историей. Я видел все настолько детально, не столько вспоминая прошлое, сколько осуждая и гнобя себя за содеянное. Я, Петр Бурлаков, презираю себя. Оценивая прошлое, я, Петр Бурлаков, бывший большевик, пришел к выводу, что с Петром Бурлаковым должно быть покончено. От моей смерти будет больше толка для советских людей, нежели оставь они меня существовать. Я самолично выхлопотал смертный приговор, полагая, что не может быть защиты лучше. Настоящее замерло, нет и луча надежды на будущее в заключении. Как ни странно, нескончаемый свет по ту сторону довел меня до такого предела, что я стал презирать себя еще больше. Конечно, это не единственная причина, по которой я принял решение о казни. Как я сказал Саше Реброву — тюремному охраннику — это лучшее, что я могу сделать для страны, чтобы хоть как-то возместить предательство. Так или иначе, я должен был Вам это рассказать. Я в неоплатном долгу перед ним за то, что он сделает после моей смерти. Мое бессмертие в письме, а Саша Ребров, как добрый гений, доставит его Вам. Я умру, но письмо останется. Я знаю, прочитав письмо, Вы прижмете его к груди, а больше мне ничего и не надо.

Моя Настя!

Я свободен. Теперь, когда вопрос бессмертия решен, я могу сосредоточиться на другой проблеме. Вы знаете, о чем я буду мечтать, предаваясь удовольствию наедине с собой. Не стоит даже писать, хотя я уверен, что никто, кроме Вас, не коснется письма.

Анастасия Николаевна Горилова!

Прощайте! Мы больше никогда не увидимся, но я знаю, Вы будете так же играть на фортепиано, гулять по Каменному мосту, ветер будет развевать Ваши волосы. Знаю, так же Вы пойдете в трактир на Ямской, захмелеете, а я уже не буду устраивать драмы, когда Вы попросите прикурить за соседним столиком. Прощайте, моя Настя...

Приближался Новый год. Москва гудела. Курсанты заполнили улицы, щеголяя мундирами. Они знают лучше, как бороться с холодом. «Московская водка». Саша Ребров приехал в Москву навестить маму. Кроме этого, он нанесет визит еще и Анастасии Николаевне Гориловой, проживающей в небольшой квартирке на Смоленском бульваре. Саша уже пропустил стаканчик «Московской» и, разомлев от алкоголя, отправился к дому Анастасии Николаевны. Подходя к двери, машинально проверил карман пальто, дабы удостовериться, что письмо все еще там. Нажал звонок. Ждет... Со второго этажа доносится голос...

В окне появляется пожилая женщина. Она спрашивает:

— Чего вам?

В ответ Саша интересуется:

— Здесь проживает Анастасия Николаевна?

Женщина говорит:

— А вам зачем?

Саша объясняет:

— У меня письмо для нее.

Женщина на секунду задумалась, отошла от окна и стала спускаться к Саше, который все еще стоял у входной двери. Но радушного приема не последовало. Она открыла дверь и тут же спросила:

— От кого письмо?

Саша, в свою очередь:

— Могу я сначала узнать, где Анастасия Николаевна? Вы ее родственница?

Не поясняя, где Анастасия, старушка просто говорит:

— Я ее тетушка. Переехала сюда четыре месяца назад.

Саша отвечает:

— Это письмо от Петра Бурлакова.

Ее глаза округлились от удивления:

— Но разве он не был казнен?

Саша отвечает:

— Да, казнен. Но перед исполнением приговора он попросил доставить письмо по этому адресу.

— Да это же незаконно! — шепотом произносит старушка.

Саша нервно в ответ:

— На самом деле, нет никакого письма... Я просто хотел засвидетельствовать свое почтение Анастасии Николаевне.

— Сынок, не лги мне. Я только хочу попросить об одолжении. И не беспокойся, конечно, я никому не скажу о письме, но и мне оно не нужно.

— Но что же Анастасия Николаевна?

Поколебавшись, старушка говорит:

— Анастасия Николаевна не должна узнать об этом письме. Несколько раз ее вызывали на допрос к товари-

щу Попову, чтобы прояснить связь с Петром Алексеевичем. В один из визитов она столкнулась с высокопоставленным офицером, который был абсолютно очарован ею. Его имя не имеет значения. Анастасия тоже полюбила его, и теперь уже семь месяцев, как они женаты. А через три-четыре месяца у них родится ребенок. Так что, я думаю, что это письмо принесет беду как ей, так и тебе. Ты лучше забудь об этом, сынок.

В отчаянии Саша бормочет, кивая головой:

— Да-да, вы правы.

Саша Ребров вернулся в кабак пропустить очередной стаканчик. Лишь после этого он решил прогуляться до дома матери. Саша Ребров остановился на Каменном мосту, где раньше прогуливалась Анастасия Николаевна с развевающимися на ветру волосами, с нежной улыбкой и прикрыв глаза. Наконец Саша Ребров решает бросить письмо в реку. Скорее всего, ночью она затянется льдом, так же, как и существование Петра Бурлакова в одиночной камере. Саша Ребров сжимает письмо в кармане, достает его — бессмертие Петра Бурлакова... И бросает его в реку.

ЖЕЛАННЫЙ КОНЕЦ ДЖОРДЖА УИТМЕНА

Эйрон Кристианс, молодой писатель из Бельгии, решил остановиться на неделю в парижском книжном магазине «Шекспир и Компания». Магазином на тот момент управляла Сильвия Уитмен, дочь бывшего владельца и управляющего Джорджа Уитмена¹, который для таких дел был уже слишком стар. По традиции, которую в своё время ввёл Джордж, Сильвия попросила Эйрона написать автобиографию, что стало бы платой за проживание. Будучи немного требовательнее своего отца, она попросила Эйрона — хотя достаточно робко — написать, помимо биографии, коротенькую историю, добавив при этом: «Если возможно». Однако даже к концу третьей ночи Эйрон не написал ни слова. Первые две ночи он провёл в приятной компании Петры, молодой писательницы из Чехии: всё это время они курили марихуану и пили. И это крайне удивительно — если вы, конечно, знаете нрав и привычки жителей Фландрии, а Эйрон был как раз одним из них. Однако в третью ночь всё было немного по-другому. Разница заключалась в том, что Джордж внезапно решил вновь

¹ Джордж Уитмен — владелец парижского букинистического магазина «Шекспир и Компания». В магазине были расставлены кресла и диваны, чтобы молодые талантливые, но нуждающиеся прозаики могли работать и даже ночевать там. Уютный магазинчик стал главным местом встреч творческой интеллигенции 60–70-х годов XX века.

поселиться на первом этаже магазина. Сильвия быстро написала ничего не подозревающим постояльцам записку, в которой сообщала о недовольстве Уитмена тем беспорядком, который они устроили. Джордж видел, что его горячо любимый магазин превратился в бордель, и всячески показывал глубокое разочарование от многочисленных презервативов, валяющихся в урнах на втором этаже.

Джордж Уитмен, девяностовосьмилетний американец, или, как его называли старожилы, «Дон Кихот Латинского квартала», владел этим книжным магазином с 1951 года. Джордж был среднего роста стариком с неухоженными, как правило, волосами, отросшие концы которых он обычно опаливал свечой. У Джорджа был особенный стиль в одежде, как будто специально придуманный для него одного. Он имел обыкновение носить одежду вызывающего цвета, но из-за частой носки цвета становились блёклыми. А ещё Джордж никогда не забывал надевать галстук. Обычный человек, взглянув на Джорджа, не мог бы не вспомнить фокусников-шарлатанов вроде профессора Марвела. Однако при более глубоком взгляде становились очевидны хороший вкус и интеллигентность этого господина. Тот вкус и интеллигентность, которые, казалось бы, давно должны были состариться и иссякнуть, как и их владелец. Джордж был одним из тех людей, которые существовали и не существовали одновременно. Как говорил он сам, «Идиот» Достоевского гораздо более реален, чем его скучные соседи по Латинскому кварталу. Многие знали, что он любил Настасью Филипповну из «Идиота» и мечтал, что однажды Настасья придёт и заберёт его с собой, но эти мечты вызывали лишь смех у окружающих. Он верил, что Достоевский в истории князя описал биографию самого Джорджа — задолго до его рождения. Хотя те, кто

читал «Идиота», вряд ли находили что-нибудь общее между Джорджем и князем Мышкиным... Но всё же не зря говорят: «Мы те, кем сами себя считаем».

На третий день пребывания Эйрона в Париже Джордж, расхаживая по своим бывшим владениям и рассыпая проклятия и стоны, обнаружил две бутылки старого вина урожая 1970 года (они находились в том месте, о котором мог знать только он) и отнёс их в свою комнату на первом этаже. Скорее всего, эта комната была жутко пыльной, ведь Джордж никому не позволял заходить туда, даже для уборки. Он запер за собой дверь, и никто в ту ночь больше его не слышал.

Около полудня Эйрон Кристианс вернулся в книжный магазин со странной ухмылкой на лице. Ухмылка не была связана ни с Петрой, с которой удалось неплохо развлечься за деревьями в парке, ни уж тем более с тем, что Петра бросила его и ушла с каким-то французом средних лет, что сидел недалеко от них в кафе «Кафка». На самом деле, улыбка Эйрона говорила скорее о его глубоком удовольствии, которое он испытывал после ночной марихуаны. То, что ему никак не удавалось испытать в первые две ночи, наконец-то начало проявляться. И каким же невероятным это было! Эффект был настолько сильным, что Эйрону даже привиделся Бегемот, большой говорящий кот из «Мастера и Маргариты», который, медленно ступая мягкими лапами, входил в книжный магазин. Довольная улыбка вновь появилась на лице Эйрона.

Как только Эйрон вошёл в комнату, он скинул с себя костюм. Ему было совершенно всё равно, почему Петра бросила его. Он даже не заметил записку, оставленную Сильвией на кровати. Раздумывая о «Мастере и Маргарите», он провалился в сон, совсем как утомившийся ребёнок.

Около часу ночи, пока Эйрон и другие постояльцы спали, сладко нежась в своих кроватях, Джордж Уитмен, уже начавший пить старое бордо, выглядел напряжённым и обеспокоенным. Внутреннее чувство подсказывало ему, что долгожданный момент вот-вот наступит. Это и было то чувство, которое спустя столько времени заставило его вернуться в книжный магазин. Наконец, он услышал голос женщины, полной решимости, идущей по деревянному полу на высоких каблуках, — слышались быстрые решительные шаги, каждый из которых заставлял сердце старика биться быстрее. Шаги становились всё ближе и ближе, а сердце Дон Кихота Латинского квартала уже готово было выскочить из груди. На несколько секунд воцарилась тишина — и вдруг в дверь старика резко постучали.

Уитмен был одним из тех чудаков, которые никогда ни перед кем не проявляли собственной слабости. Вот и сейчас он попытался справиться с ослабевшим из-за старости голосом, после чего хрипло спросил:

— Да?

По другую сторону двери женский голос, исполненный чувства собственного достоинства, попросил открыть дверь. Джордж, который никогда так просто не сдавался, ответил:

— Думается мне, что человек, который стучится и хочет войти, должен вначале представиться.

Женщина быстро ответила:

— Не беспокойтесь, Джордж Уитмен, Рогожина со мной нет.

Уитмен, определённо знавший, кто стоит за дверью, быстро осмотрел себя в зеркале. Увидев собственное отражение, он несказанно удивился — каким же молодым он был! Джордж, конечно, верил своим гла-

зам, но удивление оказалось сильнее. А женщина, всё ещё ждавшая за дверью, спросила:

— Неужели вы хотите, чтобы я передумала и вернулась?

— Если в вашем решении прийти сюда так много неопределённости, — резко ответил Уитмен, — то да, вам лучше уйти.

— Вот упрямец! — недовольно откликнулся женский голос. — Откройте эту проклятую дверь. Вас, что, не учили, как нужно вести себя в присутствии женщины?

Уитмен открыл дверь. Да, это была она — Настасья Филипповна... Немного наклонив голову, она требовательно и сухо произнесла:

— И хотя таким я вас люблю больше, ваша бестолковость в обращении с женщинами не меняется, когда вы в обличи князя, — просто из мягкого и обходительного вы превращаетесь в грубияна.

— Вы даже не хотите подождать, чтобы я впустил вас? — спросил Уитмен.

Настасья Филипповна прошла мимо него и закрыла за собой дверь. На ней было чёрное пальто, узкая юбка, чёрные чулки и высокие сапоги до колен. Она сняла пальто и перчатки, и через чёрный узкий кашемировый жакет проступили очертания красивой груди.

— Неужели вы не удивлены? — спросила Настасья Филипповна.

— Нет, я ждал вас, — ответил Уитмен. — Ждал каждый день, но даже представить себе не мог, что вы так хорошо говорите по-английски, но почему у вас британский акцент?

— У моего учителя был такой. Обычно я называла его английским Иисусом... Вы знаете Джона Леннона?

— Да, конечно, — ответил Уитмен, — но я не так уж сильно его люблю.

— Сказать по правде, я тоже, он чересчур деликатен, а русские женщины не очень это любят. Хотя и он, пожалуй, не любит таких, как я. Уж если выбирать, я бы предпочла провести свободное время с Джимом Моррисоном. Он не такой уж хороший учитель, но с ним очень приятно проводить время.

Этот разговор уже начинал действовать Уитмену на нервы, и, желая сменить тему, он сказал Настасье Филипповне, что та совсем не изменилась. А вот он как раз таки сильно изменился, услышал Джордж в ответ. Но вдруг её взгляд смягчился, и мягким голосом она произнесла:

— Джордж, я ждала нашей встречи.

— Я тоже всегда ждал. Я не просто устал — я измучен, ведь я не могу быть ребёнком... Здесь невозможно оставаться ребёнком всегда. А как происходит там?

— Там всё по-другому.

— Лучше? — спросил Джордж.

— Да, лучше, но всё-таки по-другому. Вы должны сами это увидеть.

Глядя вниз, Джордж спросил:

— Один очень важный вопрос не даёт мне покоя: как всё это возможно?.. Что вы реально существуете, вас ведь создал Достоевский — не Бог?

Настасья Филипповна — с безумным взглядом и горячим придыханием — заговорила в ответ:

— Вот значит как! Вы верите в придуманного вами Бога, но сомневаетесь во мне, а кто более реален в вашей жизни? Так вот, к слову, ваш придуманный Бог такой же садомазохист, как и Достоевский.

Джордж хотел вставить хоть слово, но Настасья Филипповна, предвидя это, взяла его за руку и сказала:

— Джордж, не надо ничего говорить, будьте терпеливее! Уверена, вы найдёте правду. Просто знайте: то, что вы хотели увидеть, это не просто мечты. Вы поймёте: то, что вы до сих пор считали реальностью, всего лишь иллюзия!

Подчинившись магии её слов, Джордж одобрительно кивнул головой — с такой покорностью, какой никогда не видели ни соседи по Латинскому кварталу, ни члены семьи. Но голосом, громким и чётким, как шаги Настасьи Филипповны, Джордж спросил:

— И что делать дальше?

— А хотели бы вы побывать в Европе? — в свою очередь спросила Настасья Филипповна. — А потом можно было бы заехать в Россию...

— Мне бы хотелось оказаться на Байкале... — прервал её Уитмен, — и попрощаться с этой реальностью именно там.

Со сверкающим взором, в котором выразилось одобрение, Настасья сказала:

— Вначале мы всё-таки посетим Европу, а потом отправимся в Россию... на Байкал.

Как только слово «Байкал» вылетело из её уст, Джордж крепко обнял её, а Настасья, чей взгляд стал сверкать ещё больше, начала страстно целовать его в губы — как и Джордж... Их имена эхом отдавались в пыльной комнате в эти минуты страсти, пока Настасья Филипповна не сказала:

— Пора идти.

— Всё готово? — спросил Джордж.

— Да, — ответила Настасья. — Наши паспорта и твоя русская виза у меня в сумочке.

— Неужели нам нужны паспорта?

— Да, не забывай, что, пока мы здесь, нам следует придерживаться здешних правил и норм. Единственное, что осталось, это сменить одежду.

Джордж явно недоумевал:

— Тогда как ты могла оказаться здесь, если здешние правила управляют нами? И почему я стал молодым?

— Я всё объясню, как только мы отправимся в путь, — ответила Настасья. — Это невозможно объяснить законами логики... Так что ты хочешь надеть? То, в чём ты одет сейчас, будет выглядеть несколько странным.

— На втором этаже, — начал Джордж, — остановился молодой бельгиец. Он неплохо одет, и размер у него, кажется, как раз, как у меня. Сильвия говорит, он спит очень крепко, так что навряд ли мы разбудим его, если зайдём к нему в комнату.

— Тогда иди и возьми у него что-нибудь подходящее, — весело ответила Настасья. — Но переодеваться будешь в моём присутствии...

На следующий день Сильвия Уитмен нашла своего отца мёртвым — он сидел в кресле с улыбкой на лице¹. Спустя два дня Эйрон Кристианс присутствовал на похоронах Джорджа Уитмена; всё это время он думал, что его одежду взяла Сильвия, чтобы пошутить или пофлиртовать. Он так и не написал обещанную автобиографию. Во время похорон Эйрон смотрел на Сильвию, стараясь поймать её взгляд, но попытки были тщетны.

¹ Джордж Уитмен действительно умер в возрасте 98 лет 14 декабря 2011 года у себя в комнате над книжным магазином «Шекспир и компания».

Вскоре он уехал в Антверпен, так ничего и не написав. Он никогда не говорил о плохом качестве марихуаны, которую купил у марокканских парижан. И всегда считал, что огромный говорящий кот Бегемот из «Мастера и Маргариты» всего лишь примерещился ему, — и всё из-за этой скверной травы, которую он купил у марокканцев в Латинском квартале Парижа.

11 декабря 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Поклонник ночи	5
Когда останавливается поезд.....	8
Кафе «Полония».....	17
Русская святая в Тегеране.....	20
Бессмертие русского материалиста.....	71
Желанный конец Джорджа Уитмена.....	78

Літературно-художнє видання

СЕРІЯ «Бібліотека “Крещатика”»

Заснована у 2023 році

Амир Ноепараст
КОГДА
ОСТАНАВЛИВАЕТСЯ
ПОЕЗД
(російською мовою)

Макет обкладинки і верстка
Друкарський двір Олега Федорова
Формат 60x84 1/16. Наклад 150 прим. Зам. № 7127
Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 5,5
Гарнітура «Cambria».
Підписано до друку 12.09.2024 р.

Видавець Федоров О. М.,
«Друкарський двір Олега Федорова»
Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,
e-mail: relaks-oleg@ukr.net
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»
Адреса: 07400, Київська обл., м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.

Ноепараст бросает вызов иллюзии разделения между политикой и повседневной жизнью, подчеркивая, как политические силы формируют нашу повседневную жизнь — даже для наивного аполитичного человека. Однако он утверждает, что писатели должны оставаться отстраненными наблюдателями, поскольку политические программы могут лишить художественную литературу ее магии, низведя ее до уровня примитивной пропаганды.

**ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА**

